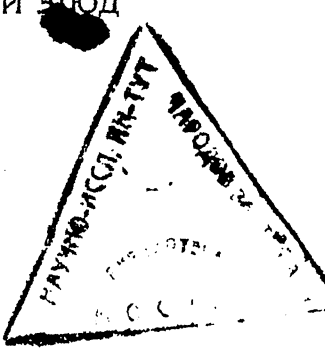
301.1
А-65

Н. АНДРЕЕВ

ПРОВЕРЕНО 1938 г. 1988 г.

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ИСТОРИИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД



ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — 1925 — МОСКВА

Пров. 19

D
16

ТИПОГРАФИЯ
им. ВОЛОДАРСКОГО,
арендованная
„КРАСНОЙ ГАЗЕТОЙ"
ЛЕНИНГРАД,
Фонтанка, 57.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общества Наук
Академии Наук СССР
349
59

Ленинградский Гублит № 21813
Тираж 3000 экз.—4.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Идея закономерности в истории в настоящее время пользуется общим признанием. Но во взглядах на *существо* этой закономерности единства нет. Существуют непримиримые разногласия и в области *применения идеи закономерности* к эмпирическому материалу истории. Из большого числа возникающих на основе этих разногласий контраверз наиболее существенной представляется мне проблема об отношении истории и социологии. В настоящее время очень высоко подняло голову так-называемое номотетическое направление в исторической науке. Исходя из совершенно правильного взгляда на исторический процесс, как на процесс закономерный, оно пришло к совершенно нелепому выводу, что, в сущности, правильно понятая история есть социология. Данная работа и посвящена, главным образом, доказательству того, что такое отождествление этих двух отраслей знания самым решительным образом противоречит основным заданиям как социологии, так и истории. Правильное размежевание границ этих наук является одним из важнейших условий их нормального развития.

В виду того, что неправильные идеи относительно задач исторической науки имеют очень большое распространение среди широких кругов читающей и мыслящей части нашего общества, я хотел бы, чтобы эта моя работа была достоянием не только специалистов. Поэтому я «разжевывал» некоторые вопросы в гораздо большей мере, чем это нужно

для людей осведомленных, и расположил материал по главам так, чтобы и не специалист в вопросах теории истории мог уяснить себе сущность разбираемых проблем и понять их не только теоретическую, но и практическую важность.

Конечно, было бы хорошо, если бы эта работа служила непосредственным введением к изложению тех социологических проблем, которые намечены в последней главе книги: она имела бы тогда более законченный вид. Но пока приходится довольствоваться тем, что есть. Я знаю, что кое-кому проводимые в этой книге идеи покажутся или старыми, или абсурдными, или вовсе — никчемными. Но дело не в том, старые эти идеи или новые, высказываются они мною впервые или были уже высказаны раньше кем-либо другим. Дело в том, что эти идеи — верные, и потому без всякой боязни я пускаю их «в свет».

Октябрь 1924 г.

Н. Андреев.

«События, поразительно аналогичные между собою, но происходившие в исторически-различной среде, приводят к совершенно различным между собою результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собою, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя притти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее над'историчности».

Маркс. Письмо в редакцию «Отеч. Записок».

«Как много еще нужно сделать в теоретическом отношении, в особенности в области экономической истории и ее связи с политической, правовой, религиозной, литературной и культурной историей вообще; тут только ясный теоретический взгляд может показать правильный путь в лабиринте фактов».

Энгельс. Письмо к К. Шмидту.

«Мы уже видели, как смотрят утописты на законы исторического развития. Законосообразность исторического движения принимает у них *мистический* вид: путь, по которому идет человечество, в их представлении, как бы предначертан заранее. И никакие исторические события не могли изменить направления этого пути».

Плеханов. К вопросу о монистическом понимании истории.

I.

Несколько слов о состоянии исторической науки в первой половине XIX века.

Когда-то вопрос о том, есть ли история наука, являлся спорным. Шопенгауэр, например, самым категорическим образом утверждал, что «хотя история и есть знание, но не есть наука», «так как наука представляет собою систему понятий, то она всегда говорит о родовом, история же имеет в виду индивидуальное». Но об индивидуальном науки быть не может, так как смысл ее существования в том и состоит, чтобы из множества отдельных, частных, особенных фактов извлечь общее. Всякое знание лишь постольку наука, поскольку оно есть знание общего [1]). Эти свои соображения относительно истории, как науки, Шопенгауэр изложил в первой половине XIX века. Во второй половине этого века английский ученый Джевонс писал: «История, как наука в истинном смысле этого слова есть нелепое понятие. Всегда есть несколько великих руководителей, людей с исключительным гением или счастьем, безотчетные мнения и распоряжения которых заправляют всей нацией. От времени до времени возникают критические положения, сражения, нескончаемые переговоры, внутренние перевороты, в которых малейшие случайности могут изменить ход событий;

---

[1]) *A. Schopanhauer*, Die Welt als Wille und Vorstellung. B II. Kap. 38, Ueber Geschichte.

несколько слов в депеше могут возмутить национальную гордость; случайный выстрел может вызвать столкновение, действия которого могут продолжаться столетия. Говорят, что история Европы зависела одно мгновение от того, заметит ли или не заметит часовой на корабле Нельсона корабль экспедиции Наполеона в Египет, проходивший невдалеке. Таким образом, в человеческих делах малейшие причины могут производить величайшие действия, и о действительности применения научного метода не может быть и речи [1]).

Отрицая возможность истории, как науки «в истинном смысле этого слова», Джевонс имел в виду те многочисленные и разнообразные *повествования о прошлом,* которые в его время составляли господствующий тип трудов по истории. В этих трудах добросовестно передавались летописные рассказы, мемуары, правительственные акты, преимущественно политического свойства и почти совершенно отсутствовал научный анализ фактов с целью выяснить их действительную связь между собою. Простая передача, немудрствующее лукаво изложение фактов чисто внешнего свойства и сведение величайших исторических событий и деятельности немногих «великих людей» составляли характерную черту исторической науки до второй половины XIX века. Немудрено, что, принимая такое состояние исторической науки за факт вполне естественный и неизбежный, мыслители, привыкшие иметь дело с математикой и естествознанием, отказывались признать историю наукой.

Подавляющее большинство историков не смущалось, однако, такой суровой оценкой своей науки и продолжало выпускать том за томом своих квази-исследований. Один из немногих мыслящих историков своего времени Гервинус должен был выразить удивление по поводу того обстоятель-

---

[1]) *Джевонс,* Основы науки. Перев. Антоновича. СПБ. 1881. г. Стр. 707.

ства, что не историки по профессии, а философы и юристы подымают основные вопросы о задачах и методах исторической науки[1]). Таким не историком по специальности, но написавшим, по мнению Гервинуса, самую лучшую работу по теории истории, был В. фон-Гумбольдт. И, действительно, в небольшой статье «Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers» (Задачи историка), написанной за 15 лет до появления указанной выше книжки Гервинуса, Гумбольдт дал прекрасное изложение идей, в наше время более отчетливо и тонко разработанных Виндельбандом и особенно Риккертом [2]). Но идеи Гумбольдта, в сущности, не шли в разрез с практикой историков того времени. Более того: они давали этой практике принципиальное обоснование. Поскольку историки воздерживались от искания какой-либо закономерности в жизни народов, поскольку они рассматривали каждое историческое событие, каждый исторический факт как нечто абсолютно индивидуальное, постольку они действовали в духе идей, высказанных Гумбольдтом. Их отличие от этого последнего заключалось в их теоретической наивности: они, по большей части, совершенно не отдавали себе отчета в особенностях своей науки, считая теоретические вопросы исторического познания совершенно лишними для своей специальности.

На примере Гервинуса мы видим, что у некоторых историков уже в первой трети XIX века зарождается потребность отдать себе отчет в существе своей науки. По мере развития положительных знаний в других областях науки, главным образом, в области естественных наук, среди историков все больше и больше крепнет желание поднять исто-

---

[1]) *G. Gervinus*, Grundzüge der Historik. Leipzig. 1837 г.

[2]) Указанная ст. Гумбольдта в русском переводе помещена в I томе «Истории средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых» М. Стасюлевича. СПБ. 1863 г.

рию до уровня естествознания. Это желание с особенной яркостью выразилось в книге Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (впервые вышла в 1859 г.).

В самом начале своего замечательного труда Бокль дал резко отрицательную характеристику исторической науки своего времени. «Печальная особенность истории человека,—говорит он,—заключается в том, что хотя ее отдельные части рассмотрены с значительным умением, но едва ли кто пытался слить их в одно целое и привести в известность существующую между ними связь. Во всех других великих отраслях исследования необходимость обобщения допускается всеми, и делаются благородные усилия возвыситься над частными фактами с целью открыть законы, которыми факты эти управляются. Но историки так далеки от усвоения себе этого воззрения, что между ними преобладает странное понятие, будто их дело только рассказывать факты, по временам оживляя их такими политическими и нравственными рассуждениями, какие им кажутся наиболее полезными. По такой теории любому писателю, который по лености мысли или по врожденной неспособности не в силах совладать с высшими отраслями знания, стоит только употребить несколько лет на прочтение известного числа книг, и он сделается историком, и он в состоянии будет написать историю великого народа, и сочинение его станет авторитетом по тому предмету, на изложение которого оно будет иметь притязание [1]).

Сопоставляя отзывы Джевонса и Бокля о состоянии современной им исторической науки, мы видим, что первый из них смотрит на эту науку, пожалуй, еще более безнадежно, чем второй. А между тем, он писал вышеприведенные строки значительно позднее Бокля. Очевидно, критика Бокля и его попытка дать истории другой уклон еще не

[1]) Стр. 3. Перев. Буйницкого. Изд. 1906 г.

успели к тому времени изменить воспитанных веками привычек и навыков историков, продолжавших разрабатывать свою науку прежним рутинным способом. Но ряд превосходных и чисто научных работ по истории права, семьи и первобытной культуры, появившихся в 60-х и 70-х годах прошлого века (Тэйлора, Мэна, Леббока и др.), сделали совершенно невозможным продолжение старой традиции в исторической науке, и она вынуждена была повернуть на новый путь, новый *для нее*, так как это был путь, по которому давно уже шли другие науки: путь изучения фактов в свете их закономерной связи между собою [1]).

---

[1]) Читатель, хорошо знакомый с историей социологических и философско-исторических идей, должен извинить меня за чересчур краткий, схематический и очень далекий от полноты очерк взглядов на историю в XIX веке. Идея закономерности в истории провозглашена была еще Вико в XVII в.; Монтескье очень хорошо выразил ее в своем «Духе законов», а немецкая идеалистическая философия второй половины XVIII и начала XIX века целиком пропитана этой идеей. Необыкновенно резко выражена она в «Позитивной философии» Ог. Конта, шедшего в данном случае по стопам Сен-Симона. Но все это не имело никакого влияния на историческую науку, которая до половины XIX века сохраняла свой чисто описательный характер. Идея закономерности стала проникать в историческую науку не тогда, когда она прокламировалась философами, а тогда, когда она нашла блестящее и всестороннее применение в естествознании.

II.

Попытки изучать историю, как закономерный процесс, и найти основной „закон истории".

В истории идей развитие путем возниконовения, роста и примирения противоречий представляет собою типическое явление. Знаменитая гегелевская триада торжествует здесь по всей линии. Если принять за исходный пункт триады, за ее тезис, вышеочерченное состояние исторической науки, то дальнейшее ее развитие должно было найти полное свое завершение в антитезисе, т.-е. в таком состоянии этой науки, которое является прямой противоположностью, прямым отрицанием ее тезиса. Собирание необ'ятного множества фактов и беспритязательное их изложение в хронологическом порядке отходит на задний план. Выдвигается искание законов истории и историческая наука из науки, занимающейся описанием фактов прошлого, превращается в науку, устанавливающую законы общественного развития человечества. Разумеется, столь радикальная перемена во взглядах на науку истории сама представляет собою процесс развития, в котором, при желании, можно найти не одну, а несколько диалектических триад. Не вдаваясь, однако, в подробности, обратим наше внимание на то существенно новое, что внесено было в понимание задач исторической науки. Это новое заключалось в приложении к истории человечества идеи

закономерности, которая была совершенно чужда исторической науке прежнего времени.

«Отвергая метафизический догмат свободы воли и теологический — предопределения всего случившегося, — говорит Бокль,—мы приходим к заключению, что действия людей зависят от предшествующих причин, должны иметь известный отпечаток однообразия, т.-е. должны при совершенно одинаковых условиях иметь совершенно одинаковый исход. А так как все предшествующие причины находятся или внутри духа человеческого или вне его, то ясно, что все видоизменения последствий или, другими словами, все перемены, наполнявшие историю, все превратности, постигающие род человеческий, его прогресс и его отсталость, его счастье и его бедствия, все должно быть результатом двоякого действия: действия внешних явлений на дух человека и действия духа человека на внешние явления... Мы имеем человека, действующего на природу и природу, действующую на человека, и из этого взаимодействия проистекает все, что ни случается[1]).

Бокль представил в своей книге столь убедительные доказательства закономерности человеческих поступков, что изучать после того историю, как сцепление фактов, обусловленное лишь «свободной волей» человека или провидением, стало невозможным для нового поколения историков. Но признание закономерности в истории неизбежно влечет за собою вопрос о специфически исторических законах. Если не случай, не свободная воля и не божественное провидение руководит жизнью народов, то над нею господствует закон, который можно назвать законом истории.

Так как история представляет собою процесс развития,

---

[1]) *Бокль*, История цивилизации в Англии. Стр. 9.

то закон истории должен быть законом развития народов или всего человечества. И когда под влиянием Бокля и других исследователей исторической жизни народов искание законов и закономерностей вошло в практику исторического исследования, то в науке укоренилось именно такое понимание закона истории. Но это или был закон развития всего человечества в целом, или закон развития отдельных народов. В первом случае все народы, в совокупности своей образующие человечество, должны в развитии своей культуры итти одним и тем же путем; во втором случае, каждый народ идет своим особым путем. Это последнее мнение в науке не удержалось. Оно фигурировало некоторое время в качестве определяющего принципа развития народов и метафизических построениях философии истории и истории права и затем исчезло, уступив свое место первому из названных взглядов на закон истории.

Не вдаваясь в излишние для наших заданий подробности, попытаемся на нескольких примерах выяснить, как обычно представляют себе исторический закон мыслители, о нем говорящие.

Вико—мыслитель XVII века, сочинение которого Scienza nuova (1725 г.) стало пользоваться вниманием ученого мира только в XIX веке—был первым, который с чрезвычайной ясностью и отчетливостью формулировал понятие исторического закона. Характеризуя основные задачи создаваемой им «Новой науки», Вико говорит: «Эта наука будет одновременно и идеальной и вечной историей, в течение которой все народы идут ровным шагом, начиная с их рождения, в течение их развития, их упадка и конца» [1]).

[1]) Цит. у *К. Тахтарева*, Наука об общественной жизни (социология). П. 1919 г. Стр. 363.

Характеризуя содержание закона, Вико говорит: «Мы принимаем деление на три века, установленное еще египтянами. Таковы: век богов, век героев и век людей» [1]). Но не это содержание закона, а его значение, как «идеальной и вечной истории», усвоено было последующими мыслителями. Другими словами, исторический закон—это определенная смена фаз или ступеней развития, которая неизменно проявляется в истории всех народов и которая именно в силу этой повторяемости приобретает значение закона. Что касается содержания закона, т.-е. перечисления в последовательном порядке тех ступеней развития, которыми неизбежно проходит история каждого народа, то оно разными историками определялось по разному. Так, Гервинус в своем «Введения в историю XIX столетия» (1853 г.) утверждает, что в историческом развитии человечества обнаруживается действие закона, заключающегося в том, что в истории каждого народа просвещение, свобода и власть составляют сначала достояние одного, становятся затем достоянием многих и, наконец,—достоянием всех. Очевидно, под влиянием Вико, который думал, что после завершения указанного им цикла развития оно вновь начинается с того же самого пункта, Гервинус допускал возможность обратного развития.

Некоторое подобие исторического закона представляет собою та мысль Дрепера (в его знаменитой «Истории умственного развития Европы», русск. перев. 1869 г.), что народы проходят в своей истории те же фазы развития, которые характеризуют жизненный путь индивидуального человека, именно: рождение, младенческие годы, детство, юность, зрелый возраст, старость и смерть.

Нас здесь интересует не *сущность,* не самое содержание исторического закона, а как он мыслится теми историками,

---

[1]) Ibid, стр. 363.

социологами и правоведами, которые говорят о нем [1]). Как видим, основной закон истории мыслится в виде формулы, содержащей указание на необходимую последовательность в смене состояний или форм жизни народа. Если бы удалось установить такую формулу, это дало бы возможность предвидения будущего и, таким путем, освободило бы практику общественной борьбы от «игры в слепую»

Столь блестящие перспективы рационализации социально-политической борьбы побуждали и теперь еще побуждают историков и социологов искать такую формулу исторического развития народов, которая могла бы претендовать на вполне научное значение. Чрезвычайно интересны в этом смысле соображения П. Л. Лаврова в его книге, изданной под псевдонимом Арнольди [2]).

«Если истории мы ставим те же требования,—пишет автор этой книги,—которые приходится ставить всякой другой обособленной науке, то она должна представлять область *фактов,* группирующихся сами собою, по логическим условиям мышления, *в законы* и позволяющих еще дальнейшее сближение и распределение их, при помощи *научных гипотез,* в более общие области познания» (стр. 13). Те факты, которые изучает история, относятся, по мнению Лаврова, к категории фактов *неповторяющихся.* Повторяющиеся факты в области человеческих взаимоотношений изучаются социологией. Таким образом, история, как наука, должна найти законы неповторяющихся фактов. Эти последние Лавров назы-

---

[1]) Более подробное изложение разных взглядов на законы истории см. в книгах: *Н. Кареев,* Основные вопросы философии истории. Три издания. Третье вышло в 1897 г. *А. С. Лаппо-Данилевский,* Методология истории. Три издания. Последнее вышло в 1923 г.

[2]) *Арнольди,* Задачи понимания истории. Опыт введения в изучение человеческой мысли. М. 1898 г.

вает также эволюционными фактами, так как они «вызываются потребностью развития», которое с логической необходимостью обусловливает «последовательность различных фазисов» исторической жизни народов». Но так как закономерность ищут только в области повторяющихся явлений, то возникает вопрос: возможны ли законы неповторяющихся фактов?

«Один и тот же термин *закон*,—говорит по этому поводу Лавров,—имеет различный смысл для области повторяющихся фактов и для области эволюции. Для первой найти закон, значит—установить условия их повторяемости. Для второй понятие о законе обозначает *нормальный* порядок последовательности фактов эволюции» (стр. 16). «Вопросы истории суть вопросы о переходе одного из неповторяющихся фазисов эволюции мысли и жизни в другой фазис, точно также неповторяющийся» (21). История должна стремиться «открыть закон нормальной последовательности фазисов общественной жизни как в отдельных коллективностях, так и в человечестве в его целом» (26).

Чтобы сделать свою мысль более ясной, он говорит, что аналогию закону истории человечества можно найти «в области других эволюционных процессов; в эмбриологии, в теории развития органического мира, в теории эволюции миров» (стр. 18). Образцом для исследования закона истории является «изучение того закона смены форм, который обусловливает переход личинки насекомого в зрелое животное, переход зародыша человека в самоопределяющуюся историческую личность (21).

Итак, задача исторической науки состоит, по Лаврову, в том, чтобы открыть «нормальный порядок последовательности фазисов эволюции». Это та самая задача, которая была поставлена Вико, которую—в других выражениях—признавали Гервинус и Дрепер, а также многие других историков.

Из современных историков очень близко к этой точке зрения подошел немецкий историк Лампрехт, хотя он и не дал своим соображениям на этот счет столь определенной формулировки, как вышеуказанные историки. Как известно, Лампрехт в своей «Истории немецкого народа» устанавливает следующие эпохи в развитии немецкого народа: 1) эпоху символизма (первобытная эпоха); 2) эпоха типизма (раннее средневековье); 3) эпоха конвенционализма (позднее средневековье); 4) эпоха индивидуализма (новое время) и 5) эпоха суб'ективизма (новейшее время) [1]. Так как Лампрехт держится того мнения, что «история есть прикладная психология», то такая в психологических терминах формулированная периодизация немецкой истории совершенно понятна. В данном случае, однако, не имеет значения вопрос о том, почему Лампрехт выдвигает на первый план развитие психической жизни народа... Важно отметить, что Лампрехт склонен думать, будто те этапы развития, которые он нашел в истории немецкого народа повторяются и в истории других народов. «Если,—говорит он,—для всякого вдумчивого исследователя описанный мною ход немецкой истории является бесспорным, то возникает еще вопрос, возможно ли доказать тот же самый ход развития в истории других человеческих обществ, прежде всего, конечно, в истории других народов?» И Лампрехт полагает, что несмотря на недостаточную еще разработку этого вопроса, все же есть полное основание говорить об общем ходе развития всех народов, так что «установленные при изучении немецкой истории ряды развития содержат в себе достаточно элементов общего значения» [2].

По существу к этой группе историков надо отнести и

---

[1]) См. его Deutsche Geschichte. Erster Band. Einleitung.

[2]) *K. Lamprecht*, Moderne Geschichtswissenschaft. Fünf Vorträge. Berlin 1909 г. Стр. 90.

Н. А. Рожкова, который в первом томе своей «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» (1919 г.) пишет: «Девять основных периодов можно различать в истории каждого общества, каждой культуры. Периоды эти следующие: 1) Первобытное общество. 2) Общество дикарей. 3) Дофеодальное общество, или общество варваров. 4) Феодальная революция. 5) Феодализм. 6) Дворянская революция. 7) Господство дворянства. 8) Буржуазная революция. 9) Капитализм [1]).

[1]) См. указанный труд, стр. 21--22.

III.

Превращение истории в социологию.

Наука, достойная своего имени, утверждает Шопенгауэр, изучает не индивидуальное, а общее; она не только сопоставляет факты, но подчиняет их общим положениям. На современном научном языке это означает, что наука изучает явления для того, чтобы открыть их законы. В применении к истории это означает необходмость изучения закономерности исторического процесса, а эта необходимость приводит, как мы видели, к ряду попыток найти «нормальный» ход истории, свойственный всем народам земли. В дальнейшем своем развитии эта идея привела к отождествлению истории и социологии, что—теоретически, по крайней мере,—означает упразднение истории, как таковой (практически, как мы увидим дальше, история, как особая наука, отнюдь не исчезла). Яркими выразителями этой тенденции является ряд выдающихся наших историков.

Об этом свидетельствует, например, самый подзаголовок указанного выше труда Рожкова. Подзаголовок этот гласит: «Опыт социальной динамики». Всякий, кто знаком со взглядами Рожкова, изложенными еще в 1907 г. [1]) и без дальнейших раз'яснений понимает, что динамическая социология и история в его глазах одно и то же.

---

[1]) См. его небольшую работу: «Основные законы развития общественных явлений. (Краткий очерк социологии»). СПБ. 1907 г.

Во введении к своей прекрасной книге о раннем средневековье [1]) проф. Петрушевский прямо и определенно говорит, что задача исторической науки состоит в выяснении «общественного процесса, его фазисов, форм и законов» (стр. 6). Мы привыкли думать, что это задача социолога. Но, по мнению проф. Петрушевского, «историк и социолог должны совмещаться в одном лице» (14) и путь к открытию законов общественного развития идет через исторические исследования. Чтобы «понять общественный процесс in abstracto, конструировать его социологически и выяснить фазисы и законы его развития», необходимо «тщательное всестороннее выяснение общественного процесса, как он развивается в каждом отдельном конкретном человеческом обществе» (стр. 5). «Изучая ряд обществ в их историческом развитии, мы изучаем ряд сходных процессов, ряд вариаций, их общие темы, и это дает нам основание думать, что это изучение даст нам возможность конструировать, воссоздать эти общие темы... Таким образом, общественная наука, стремящаяся к уразумению исторического (общественного) процесса и его законов, во-первых, является историей, и во-вторых, становится по необходимости на почву сравнительно-исторического изучения (5).

Ключевский также склонен был думать, что изучение истории, в конечном счете, приводит к открытию законов общественного развития. «Изучая,—говорит он,—местную историю (т.-е. историю данного народа. Н. А.), мы познаем состав людского общежития и природу составляющих его элементов. Из науки о том, как слагалось человеческое общежитие, современем—и это будет торжеством исторической науки—может выработаться и общая социологическая часть ее, наука об общих законах строения человеческого

---

[1]) *Петрушевский,* Очерки по истории средневекового общества и государства. М. 1908 г. 2-е изд.

общества, приложимых независимо от преходящих местных условий» [1]).

Правда, Ключевский не отождествляет, подобно Петрушевскому, истории с социологией. Последнюю он мыслит, как «общую часть» истории. Но, как и проф. Петрушевский, он полагает, что эта общая часть возникает, как естественный и неизбежный результат развития исторической науки. Другими словами, он так же убежден, что социология строится на основе истории.

Не менее решительно, чем проф. Петрушевский, отождествляет историю с социологией и М. Н. Покровский. «Мы не видим,—говорит он,—никакой разницы между культурной историей и социологией: и та и другая отыскивают законы развития человечества, как создателя культуры» [2]).

С легкой руки авторитетов исторической науки отождествление этой последней с социологией проникло в широкую публику и начинает даже входить в учебные руководства по истории. Так, в одном из новейших руководств такого рода мы читаем следующее: «История в ее истинной, т.-е. научной, номотетической, а не идиографической постановке (такую историю называют еще «типологической») *совпадает с подлинной социологией*» [3]).

Кажется, нет никакой надобности приводить еще примеры чрезвычайно распространенного и все более и более распространяющегося убеждения в том, что «истинная история» есть «подлинная социология». Подводя общие итоги всему

---

[1]) *Ключевский,* Курс русской истории. Ч. I, стр. 9. Изд. 1918 г.

[2]) *М. Н. Покровский,* Очерк по истории русской культуры. Ч. I. Стр. 17—18. Изд. 1923. Впрочем, здесь Покровский говорит не вообще об истории, а о *«культурной* истории», т.-е. истории культуры.

[3]) *С. П. Ковалев,* Курс всеобщей истории. Том I. Стран. 13. Изд. 1923 г.

сказанному по этому вопросу выше, можно установить следующие три положения:

1) основной задачей исторической науки является открытие законов общественного развития народов;

2) эти законы мыслятся, как нормальный порядок последовательной смены фаз, ступеней или стадий развития;

3) средством для открытия такого нормального хода развития, господствующего в истории всех народов, является сравнительно-исторический метод.

Итак, искание закономерности в истории с неумолимой силой диалектического развития понятий приводит к отрицанию истории, как особой науки и к отождествлению ее с социологией. Опрокинув старое представление об исторической науке, совершенно несклонной доселе подняться выше простой передачи конкретных фактов, противопоставили ему новое ее понимание, как науки о законах общественного развития. Эта фаза в развитии исторической мысли вполне естественна и неизбежна и представляет собою антитезу предшествовавшей стадии. Но за нею неизбежно должен следовать синтез, как дальнейшая и более высокая фаза того же процесса. Прежде чем, однако, перейти к рассмотрению этой последней, нам следует ознакомиться с совершенно другой постановкой вопроса о задачах истории. В этой иной постановке вопроса уже намечаются некоторые элементы синтеза, хотя в чистом своем виде она столь же односторонне его решает, как и только-что охарактеризованное направление.

IV.

Реакция против отождествления истории с социологией.

То направление исторической мысли, которое представлено только-что цитированными нами историками, в настоящее время обычно называется *номотетическим*. Его сущность заключается в искании законов исторического процесса. Существуют и противники номотетической исторической науки. Они либо стоят на точке зрения так-называемого *идеографического* направления, либо очень к ней близки. Сущность этого направления мы поймем, если остановимся на аргументации некоторых ее представителей.

Лет 40 тому назад известный историк, профессор Н. И. Кареев выпустил в свет большой труд «Основные вопросы философии истории» (1883 г.). В первом томе этого труда мы читаем, между прочим, следующее: «Все, доступное нашему пониманию, есть совокупность *явлений*, управляемых *законами*. Наше изучение может быть направлено на самые явления или на их законы, смотря по тому, какие цели мы себе поставим. Одна задача — описать явления и показать их взаимную связь, другая — найти общие законы их существования в пространстве и последовательности во времени. Отсюда два рода наук: *феноменологические*, имеющие дело с данными феноменами (явлениями), и *номологические*, имеющие дело с известными категориями законов. Говоря вообще, история есть совокупность целой массы явлений в по-

стоянно изменяющейся жизни народов: мы можем, с одной стороны, изобразить существенное в этой совокупности, представить ее в одном целом; с другой стороны — добраться до постоянных отношений сосуществования и последовательности между этими явлениями: в первом случае мы получим науку феноменологическую — историю, во втором — у нас будет наука номологическая — социология [1])». «История, — продолжает далее Кареев, — есть процесс, состоящий в последовательной смене явлений, которые даются нам лишь однажды в данной совокупности; другими словами, исторические факты не повторяются, они вполне индивидуальны» (113). В силу этого «исторические законы нужно будет отнести к области химер, вроде философского камня» (113).

Понимание исторического процесса, как ряда неповторяющихся, следовательно, вполне индивидуальных фактов было изложено впервые еще в статье В. Гумбольдта, статье, которая заслужила, как мы видели, одобрительный отзыв со стороны Гервинуса в 1837 году. Таким образом, идеи проф. Кареева отнюдь не являются новыми. Но они формулированы ясно и отчетливо, так что сразу дают возможность определить диаметрально противоположные позиции феноменализма (идиографизма тож) номотетизму (или номологизму) в истории.

В современной историографии идиографическая точка зрения приобрела довольно большое влияние. Ее поддерживают и обосновывают ряд выдающихся историков и философов [2]). К числу их принадлежит, напр., знаменитый историк древности Эд. Мейер. Он полагает, что задача истории «заклю-

---

[1]) См. названную книгу, стр. 105—106.

[2]) Очень удачную характеристику «номографических и идиографических наук» дает *А. А. Чупров* в своей известной книге «Очерки по теории статистики». СПБ. 1909 г. Автор пытается дать теоретическое обоснование статистики, но развиваемые им общие положения идиографических наук имеют отношение и к истории.

чается не в отыскании законов развития, а в изучении и наглядном изложении событий, которые имели место в действительности лишь однажды» [1]).

Таким образом, и он думает, что история, как наука, имеет дело с фактами не повторяющимися. «История, — говорит он в другом месте, — никогда не занимается человеком, государством, народом вообще, а всегда с народом, существовавшим в определенном месте и в определенное время и находящимся под влиянием не общих законов, а совершенно особых обстоятельств, имевших место лишь в данном случае» [2]). В течение многих лет, посвященных историческим исследованиям, — заявляет он, — я не открыл ни одного исторического закона, да и у других историков не нашел ничего на них похожего» [3]).

Стремление резко и определенно очертить особое положение исторической науки и тем самым освободить историков от всяких колебаний в отношении приемов изучения, чуждых ее существу, заставляет его договориться до признания решающего значения в истории случайности и свободы воли. «В то время, как антропология ограничивается изучением закономерности общего, в истории господствует случайность и свободная воля личности [4]). Правда, справедливость требует признать, что то и другое Мейер понимал не метафизически, а в их чисто эмпирическом, конкретном проявлении в жизни. Поэтому-то и случилось так, что практически в процессе своей работы Мейер ни разу не прибегнул к помощи понятий, теоретически им признаваемых обязательными для каждого историка. При об'яснении

[1]) *Ed. Meyer*, Zur Theorie und Methode der Geschiche. Halle. 1902 г. Стр. 1.

[2]) См. его Gesicnchte des Alterthums. B. I. § 11.

[3]) Zur Theorie. Стр. 26.

[4]) Geschichte des Alterthums. § 16.

исторических фактов он везде и всюду ищет и находит причинную связь между изучаемыми им фактами, совершенно игнорируя «случайность», «свободную волю» и прочие метафизические абстракции.

Чрезвычайно сильное влияние на оформление идиографического направления историографии оказали работы двух немецких философов-неокантианцев — Виндельбанда и Риккерта, в особенности последнего [1]).

Виндельбанд подразделяет науки на две группы: *номотетические* или науки о законах, и *идиографические* или науки о явлениях. «Одни говорят о том, что существует везде, другие — о том, что случилось однажды (21)». История именно и является наукой идиографической. «Задача историка состоит в том, чтобы дать идеальный образ какого-нибудь явления прошлого во всем его индивидуальном своеобразии. Он поступает по отношению к действительности так же, как художник по отношению к своей фантазии. В этом обнаруживает родство исторического творчества с эстетическим и исторических дисциплин с belles lettres [беллетристикой] (16 — 17). То, что получается в результате работы историка «это — изображение людей и их жизни во всем многообразии свойственных им особенностей, воспроизводимых историком во всей полноте их жизненной индивидуальности. Вызванные усилиями историка из мрака прошлого к новой жизни встают перед нами исчезнувшие языки и исчезнувшие народы, их верования и учреждения, их стремления к силе и свободе, их поэзия и мысль» (17—18). Никаких законов историческая наука не устанавливает. То,

---

[1]) См. *Windenband,* Geschichte und Naturwissenschaft. Zweite Auflage. 1900 г. На русск. языке в книге Виндельбанда «Прелюдии» в перев. Франка. Книга Риккерта также имеется на русском языке. Она называется «Границы естественно-научного образования понятий», перевод Вадека 1904 г. Виндельбанд цитируется здесь по немецкому изданию, а Риккерт по указанному переводу.

что подчас выдается за таковые, представляет, по мнению Виндельбанда, «несколько тривиальных общих мест», допускающих при этом «бесчисленные исключения» (21).

Изложенные в небольшой брошюрке идеи Виндельбанда не могли быть развиты с достаточной полнотой. Нельзя не отметить, однако, что Кареев высказал аналогичные идеи значительно раньше Виндельбанда и развил их с несравненно большей обстоятельностью, хотя и не с таким изяществом, как Виндельбанд. Еще более обстоятельное и глубокое обоснование этим идеям дано Риккертом в вышеназванном труде. Его занимает вопрос, во всех ли науках практикуется тот способ образования понятий, какой мы находим в науках о природе, естественных науках. Разбирая этот вопрос, он приходит к выводу, что существуют определенные границы, в пределах которых этот способ образования понятий вполне законен, но что за пределами этих границ понятия образуются иными способами. Исторические науки и представляют собою именно ту область знания, где приемы естествоведа совершенно не годятся. Изучая мир явлений, физик, химик, астроном, вообще естествовед интересуется преимущественно общим; внимание историка, наоборот, направляется на частное, индивидуальное. Но в то время, как частное служит для естествоиспытателя только одним из проявлений общего, для историка оно приобретает самодовлеющее значение. Его интересует прежде всего и главным образом своеобразие факта, его индивидуальность, которая тотчас же улетучивается, как только мы начинаем искать в нем общее ему с другими однородными фактами; вместе с этим исчезает и самый об'ект специфически исторического изучения. История изучает однократный процесс развития, об'ясняя ряды сменяющих друг друга индивидуальных фактов частными причинами и воздерживаясь от всякой попытки, бесплодной по самому своему существу, установить законы развития.

Характеризуя таким образом природу исторического познания, Риккерт считает, однако, вполне возможным ту же самую совокупность подвергнуть и естественно-научной обработке. Только он думает, что в результате этого у нас получится не история, а социология. «Вполне возможно,—говорит он,—построить систему понятий, в которой находила бы выражение природа общественной жизни, т.-е. общее ее различным формам, и, если возможно, ее законы. Попытки этого рода харктеризуют, как социологию... С логической точки зрения не приходится возражать против естественно-научного трактования общественной действительности... Тем не менее, эти изображения не могут становиться на место истории» [1]). Логически между двумя видами познания — естественно-научным, или познанием общего и историческим, или познанием индивидуального существует принципиальное различие. Когда упускают из виду это различие, неизбежно впадают в заблуждения. Именно таким заблуждением являются все попытки открыть в истории закон развития [2]).

В заключение нашего беглого обзора идей противников номотетической школы приведем соображения проф. Бернгейма, автора большого и пользующегося среди историков огромным авторитетом труда «Lehrbuch der historischen Methode» (неск. изданий). Резюмируя свои рассуждения относительно задач истории, Бернгейм говорит: «Никогда задачей исторической науки не может быть нахождение общих законов и установление научных истин без всякого отношения к фактическим разнообразиям явлений. Это может

---

[1]) См. назв. сочинение, стр. 249—250.

[2]) Близкую к точке зрения Вильденбанда и Риккерта позицию занял Б. Кистяковский в своей очень выдержанной в кантианском духе статье «Категория причинности и справедливости при исследовании социальных явлений» в журнале «Жизнь» за 1900 г. №№ V и VI, а также в своей книге «Einzelwesen und Gesellschaft», Berlin, 1899 г.

быть задачей только таких наук, в области которых, как, напр., по большей части в области естественных наук, эти различия не имеют существенного интереса, хотя, несомненно, существуют в действительности и там. Явления же деятельности людей, составляющих область нашей науки, интересуют нас именно в их разнообразии, в особенностях их развития; поэтому является лишь странной сбивчивостью понятий, когда полагают «поднять историю на степень науки», игнорируя самое существенное в ее содержании» [1]).

Если внимательно присмотреться к взглядам указанных нами писателей, то мы легко заметим между ними весьма существенные различия и в способе обоснования их отрицательного отношения к исканию законов истории и в понимании задач и приемов исторического исследования. Но для нас важно сейчас не их расхождение, а их солидарность в отношении к позиции номотетизма в исторической науке. У нас большой популярностью пользуется та мысль, будто представители идиографического направления сходятся в отрицании причинности в истории и признании в ней телеологии. Эта мысль совершенно неправильная. В наклонности к телеологии повинны только Риккерт и Виндельбанд, да и то их телеология вовсе не того божественного свойства, как ее изображают мастера суздальской школы. Оставляя, однако, вопрос о телеологии в стороне, необходимо отметить, что даже Риккерт признает причинность в ходе истории, только эту причинность он обозначает неуклюжим (по-русски) термином «частной» причинности. Этим он хочет сказать, что данный исторический факт должен быть об'яснен не при помощи общего закона (что и составляет причину общего характера), а при помощи ряда других фактов (част-

[1]) *Бернгейм*, Введение в историческую науку. Перев. с немецк. под ред. проф. Сабинина. М. 1908 г. Стр. 30. Эта небольшая книга представляет собою сокращенное изложение, сделанное самим автором его вышеназванного труда.

ные причины). Таким образом, Риккерт отрицает не причинность при об'яснении исторического процесса, а возможность установления общего закона или общих законов аналогичным законам природы. Телеология же выдвигается у него не как принцип *об'яснения,* а как принцип *выбора* фактов. Во всяком случае, его телеология чрезвычайно далека от того наивного провиденциализма, к которому ее нередко сводят.

Сводя воедино то общее, что об'единяет противников номотетической точки зрения в истории, можно установить следующие положения:

1. Исторический процесс представляет собою ряд фактов, каждый из которых и весь их ряд в целом интересует историка в их индивидуальном своеобразии.

2. Так как это своеобразие дается в действительности только однажды, а всякий закон предполагает повторяемость фактов, то отсюда следует, что законов истории нет и быть не может.

3. Задача исторической науки, таким образом, сводится не к исследованию законов, а к возможно более верному восстановлению фактов прошлого.

Реакция против номотетической точки зрения в ее логическом развитии опять приводит нас к тому состоянию исторической науки, когда она довольствовалась простым описанием фактов. Если признать замену истории социологией крайностью, то и возвращение к исходному пункту является такой же крайностью. Необходим выход, который примирил бы эти крайности в высшем синтезе. Исканием этого синтеза мы теперь и займемся, причем все приведенные нами взгляды различных писателей окажут нам несомненную услугу при разрешении поставленной задачи.

V.

Проблема повторяемости исторических явлений.

Прежде всего необходимо выяснить вопрос о повторяющихся и неповторяющихся фактах в истории. Как мы видели, сторонники идиографического или феноменологического направления в истории утверждают, что исторические факты не повторяются. У Рожкова мы находим следующее чрезвычайно характерное для номотетической точки зрения опровержение этого взгляда на исторические факты. Он говорит: «нет изречения, которое было бы более ошибочно чем то, которое гласит, что «история не повторяется». Напротив, история постоянно повторяется, повторяется не в меньшей степени, чем явления в жизни природы. Надо только отбросить ложную всемирно-историческую точку зрения, и обратить внимание на развитие отдельных стран и народов, и мы обнаружим постоянные сходства и частые повторения сходных явлений и процессов. Конечно, сходство не тожество, но тожества нет и в природе: даже у очень постоянных (животных и растительных) видов ни одна особь не походит вполне на другую» [1]).

Указание Н. А. Рожкова на «всемирно-историческую точку зрения» раскрывает нам смысл его утверждения, что «история повторяется». Эта точка зрения заключается в том, что на историю каждого народа смотрят, как на проявление

[1]) Русская история. Т. I. Стр. 11. Изд. 1-е.

одной из сторон всеобщего или — правильнее — всечеловеческого исторического процесса. Сам по себе единый и единственный этот процесс протекает через историю отдельных народов, раскрывающих, как уже сказано, одну из сторон всемирного процесса истории. Отбросив эту точку зрения,— заметим, кстати, что на ней теперь никто из историков не стоит,—мы найдем, что история каждого народа представляет более или менее самостоятельный и самодовлеющий процесс и что в истории народов есть несомненные черты сходства. Если бы на земной поверхности существовал только один народ и мы могли бы изучать только историю этого единственного народа, мы не имели бы возможности думать, что «история повторяется», разумеется, если бы мы не были проникнуты верою Вико в круговорот истории. О повторяемости в истории мы можем говорить только благодаря тому, что мы имеем перед собой более или менее параллельные ряды историй многих народов. Чтобы заметить эти повторения, необходимо опять стать на всемирно-историческую точку зрения, но не в старом метафизическом ее виде, а в совершенно научном ее понимании. Это точка зрения сравнительного изучения истории народов. Когда мы рассматриваем историю только данного народа, мы видим, что в течение столетий он постоянно переходит от одних форм жизни к другим, что условия его жизни, скажем, в XV в. не похожи на условия жизни в XVI и последующих веках. То, что случилось в одно время, уже не повторяется в другое. Каждая эпоха, каждый данный момент в жизни народа является по отношению к последующим и предшествовавшим эпохам чем-то вполне индивидуальным, своеобразным, единожды данным в своем своеобразии. Следовательно, в истории каждого народа факты, изучаемые исторической наукой, не повторяются. Но история народа не есть *история* народов. И вот, когда мы приступаем к изучению истории народов, мы констатируем повторения в истории: повто-

ряются учреждения, состояния и даже события (напр., революции). Выходит, как будто, что Рожков и вся вообще номотетическая школа стоит на совершенно правильной точке зрения, утверждая, что история, как и всякая другая наука, имеет дело с повторяющимися, а следовательно и подчиненными определенной закономерности фактами. Другими словами, мы должны, как-будто, признать, что история действительно изучает законы явлений, ею исследуемых, т.-е. что она наука номотетическая, или номологическая.

Но вот мы слышим возражение со стороны проф. Кареева. «Историей, — говорит он, — мы называем изменяющуюся во времени совокупность фактов духовной и общественной жизни человека и эти факты, как явления духовной и общественной природы, и управляются законами, которые должны исследовать психология и социология. Поэтому для исторической науки достаточно законов психологических и социологических, и нет надобности прибегать к открытию специально исторических законов» [1]). Если,— продолжает далее проф. Кареев, — факты истории и не повторяются во всей своей индивидуальности, то «это не мешает разложить каждый такой факт на отдельные его элементы, которые повторяются в иных комбинациях: мы говорим именно вообще о явлениях духовной и общественной жизни, о постоянно повторяющихся элементах исторических фактов, разнообразных процессов в жизни народов, событий в существовании всего человечества» [2]). Мысль проф. Кареева можно короче выразить таким образом: в истории, конечно, многое повторяется, но то, что в ней повторяется, изучается не исторической наукой, а социологией. То же, что в истории повторяется, составляет «элементы историче-

---

[1]) Основные вопросы философии истории. Изд. 3-е, 1897 г. Стр. 10.

[2]) Ibid, стр. 11.

ских фактов». Мысль эта очень интересная, но выражена она им крайне неясно и нигде она не получила в многочисленных и об'емистых трудах этого ученого сколько-нибудь обстоятельного обоснования. В качестве однозначных с «элементами» терминов мы встречаем в приведенной цитате «явления», «процессы», «события», что не только не уясняет мысли проф. Кареева, но делает ее до крайности неясной. Между тем, именно в этом важнейшем пункте феноменологического обоснования истории следовало бы быть особенно ясным и точным.

Когда Н. А. Рожков говорит: «история повторяется», он имеет в виду не события в их конкретной обстановке, а определенные типы общественных и культурных отношений, напр., феодализм, капитализм и т. д. И, конечно, в этом пункте Рожков отнюдь не оригинален. М. Ковалевский еще в 1880 году писал: «Возникновение однохарактерных с арийцами учреждений у совершенно различных с ними народностей под влиянием прохождения ими одинаковых стадий развития в наше время стоит вне всяких споров» [1]). Немецкий ученый Брейзиг считает совершенно возможным делать сближения между народами, отделенными один от другого целыми тысячелетиями, так как общий ход развития одного народа повторяется в истории других [2]).

Тот или другой тип общественных отношений (напр., феодальный строй) вовсе не является «элементом исторического факта», он несомненно сам представляет собою сложный исторический факт. А так как это стоит вне всяких сомнений, то все соображения насчет того, что в истории повторяются только элементы исторических фактов, теряют всякое значение. Однако, было бы преждевременным празд-

---

[1]) *М. Ковалевский*, Сравнительно-исторический метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М. 1880 г. Стр. 17.

[2]) *K. Breysig*, Der Stufenbau und die Gesetze der Weltgeschichte Berlin. 1903. Стр. 8—9.

новать победу над Кареевым. Мы найдем у него в дальнейшем аргументы посильнее только-что приведенных. Но в одном он безусловно неправ: история, обозреваемая с всемирно-исторической точки зрения, отнюдь не представляет собою ряда неповторяющихся, следовательно, индивидуальных фактов. Совершенно неправильна в этом пункте и позиция всей вообще идиографической школы. Подавляющее большинство историков экономического быта, права, культуры, знакомясь с фактическим материалом, должны были признать повторяемость исторических фактов.

Правда, люди, привыкшие к тонким логическим определениям, с'умеют возразить и против этого утверждения. Они скажут: *историческим* следует называть лишь то, что было однажды и прошло. Все же повторения уже потому не историчны, что лишены индивидуальности. Французский, английский, русский, японский феодализм, каждый в отдельности, явления, несомненно, историческое, но феодализм, как фаза общественного развития — факт не исторический. Так, повидимому, думает и проф. Кареев. Но спрашивается: должны ли понятия сообразоваться с фактами действительности или, наоборот, факты действительности — с понятиями? В первом смысле образует свои понятия наука, во втором — метафизика. Понятие истории, как науки об индивидуальном, чисто метафизическое понятие. Изучая прошлое, мы находим в нем не только огромное количество фактов, несомненно, индивидуальных, но и большое количество фактов *повторявшихся* в истории разных народов. И те, и другие факты в одинаковой мере являются об'ектом изучения исторической науки [1]).

---

[1]) «Конечно, каждое человеческое общество имеет свою собственную историю, которая в точном и безусловном смысле слова никогда не повторяется. Однако, развитие различных общественных форм в своих общих чертах представляет собою до известной сте-

И тем не менее школа, представляемая Рожковым, Брейзигом, Лампрехтом и др. ошибается, полагая, что история может открыть «нормальный ход развития народов». Можно и должно признать, что факты в истории повторяются, но отсюда еще нельзя сделать того вывода, что они «повторяются в истории не в меньшей степени, чем в природе». Увы! они повторяются в бесконечно меньшей степени и повторения их носят совсем другой характер. Но этот вопрос удобнее всего рассмотреть в связи с вопросом о применении в исторических исследованиях сравнительного метода.

цени повторяющийся процесс, который нередко повторяется даже в большей степени, чем мы иногда предполагаем». *К. Тахтарев*, Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. 1924 г. Часть первая. Стр. 80.

VI.

Сравнительно-исторический метод и пределы его компетенции.

Сравнительно-исторический метод исследования является в глазах представителей номотетической школы самым действительным средством для установления искомых ими законов истории. Еще М. Ковалевский, столь широко и столь плодотворно пользовавшийся этим методом, совершенно ясно определил его задачу. «Задача сравнительного метода,— говорил он,— сводится к тому, чтобы, выделивши в особую группу сходные у разных народов на сходных ступенях их развития обычаи и учреждения, дать тем самым материал для построения истории прогрессивного развития форм общежития и их внешнего выражения, «права» [1]). Путем такого изучения Ковалевский полагал возможным установить общий всем народам «*нормальный ход*» их общественного развития, а также и всякого рода отступления от него [2]). Другой не менее, чем Ковалевский, известный представитель сравнительно-исторического метода, немецкий ученый Пост писал: «Существуют законы развития всякого органического образования, которое возникает в пределах человеческих рас и возвышается над отдельными людьми. Эти законы развития можно открыть путем сравнения соответственных периодов

---

[1]) Историко-сравнительный метод. Стр. 19.

[2]) Ib, стр 20.

развития всех живущих на земле и исчезнувших общественных организмов» [1]).

Мы видели уже, что проф. Петрушевский самым решительным образом рекомендует сравнительно-исторический метод для открытия той «общей темы» развитя народов, «вариациями» которой являются их исторические пути. Сравнительно-историческим методом пользуется и Рожков в своей многотомной «Истории России».

Итак, «закон нормальной последовательности фазисов общественной жизни» (выражение Лаврова) устанавливается при помощи сравнительного изучения истории разных народов. Так ли это? Попробуем в этом разобраться.

Всякая действительно существующая историческая наука представляет собою либо историю событий (напр., «История французской революции» Луи-Блана), либо историю учреждений (напр., «Древняя гражданская община» Фюстель-де-Куланжа), либо историю идей (напр. «История рационализма в З. Европе» Лекки), либо историю быта и нравов («История нравов» Фукса), либо еще какую-нибудь более частную историю (историю балета, историю театра, историю царей дома Романовых и т. д.). Но какую бы историю мы не взяли, всегда и во всех случаях мы имеем дело с сложным комплексом явлений. Если историк и разлагает этот сложный комплекс явлений на его составные части, то все же он не выходит при этом из области фактов *исторических*. Но всякий даже самый простой исторический факт все еще представляет собою очень сложное образование, которое отнюдь нельзя признать элементом социальной жизни.

Петрушевский говорит, что сравнительно-исторический метод дает нам возможность «понять те основные элементы, из которых складывается всякая общественная реальность». К сожалению, он не пояснил нам, каким способом добирается

---

[1]) Цитировано у Гумпловича, «Основания социологии». Стр. 74.

историк, оперирующий сравнительно-историческим методом, до «основных элементов *всякой* общественной реальности».

Всякое сравнение дает возможность установить сходства и различия между сравнительными об'ектами. Но оно не может разложить сложное целое на его составные части. Прежде чем приступить к сравнению, необходимо уже предварительно разложить целое на части. Следовательно, сравнительно-исторический метод не в состоянии выделить из «общественной реальности» его «основные элементы». Но когда эти «элементы» выделены, сравнение достаточного количества сложных образований может установить удельный вес каждого из них. Дело, однако, в том, что, оставаясь в пределах *исторических* исследований, мы никогда не выходим из сферы сложных образований, никогда не доходим до «основных элементов всякой общественной реальности».

Возьмем, напр., феодализм. Эта общественная фармация, как известно, характеризуется тремя основными признаками: преобладанием крупного землевладения, соединением власти землевладельца с властью государя (что обозначается иначе, как раздробление государственной власти) и иерархической системой отношений между землевладельцами—государями. Везде и всюду, где мы находим эти основные черты общественного строя, мы говорим о феодализме. Еще недавно существование феодализма в России было спорным. Павлову-Сильванскому первому удалось доказать, что этот общественный строй существовал и в древней России. Чтобы доказать это, он прибег к методу сравнения удельной Руси с европейским феодализмом. Что-же при этом он сравнивал?

«В противоположность ненадежным общеисторическим сравнениям, — говорит он, — мне дает твердую опору детальное сравнение отдельных учреждений русского удельного строя с основными учреждениями европейского феодализма. Я сосредоточиваю внимание на изучении таких отдельных

юридических учреждений, как община, боярщина, защитная зависимость, вассальная служба и так далее, и прихожу к выводам, что эти учреждения по существу своему, по своей природе представляют собою учреждения тождественные соответственным учреждениям феодальной эпохи» [1]). Ни о каких «элементах всякой общественной реальности» при этом сравнении нет и помину. То, что подлежит сравнению, представляет собою некую «общественную реальность», составные, общие ей со всякой другой общественной реальностью элементы историка не интересуют и сравнению не подлежат. И так именно дело обстоит во всех решительно случаях, когда применяется в истории сравнительный метод изучения. В этом отношении, т.-е. в смысле установления основных элементов всякой общественной реальности и их закономерных сочетаний, сравнительно-исторический метод орудие совершенно непригодное. Но быть может дело обстоит лучше в смысле определения сравнительно-историческим способом нормальной последовательности фаз развития народов, т.-е. в смысле установления основного закона исторического развития?

Если мы признаем существования такого закона, то должны будем тем самым признать, что история всех народов движется одним и тем же путем, в одном и том же направлении. Совершенно логическим выводом отсюда является утверждение, что, зная историю одного народа, мы, в сущности, знаем историю всех прочих народов. В таком случае задача историка до крайности упрощается: ему незачем изучать историю разных народов, совершенно достаточно будет, напр., французу знать свою историю, немцу — свою, англичанину — свою, русскому — свою, чтобы с уверенностью в полной научной своей правоте думать, что таким же пу-

---

[1]) *Н. Павлов-Сильванский*, Феодализм в древней Руси. Изд. «Прибой» 1924 г. Стр. 45.

тем шла и всякая другая история. И когда читаешь, напр., краткий учебник Н. А. Рожкова («Всеобщая история» 3 части), то совершенно недоумеваешь, для чего ему понадобилось говорить о Египте и Вавилоне, о Греции и Риме и многих других странах и государствах. Все они, — как сказал мне один из курсантов, проходивший по этому учебнику историю культуры, — удивительно похожи друг на друга, и разница между ними сводится только к именам. Для чего же, спрашивается, надо знакомиться с феодализмом в Египте, Вавилонии, Персии, Аравии, Палестине, Финикии, Греции, Риме, если везде и всюду он повторяется в том же самом виде? Не лучше-ли ознакомиться с ним на примере одной страны и сказать: и в других странах было то же самое.

Конечно, ни один сторонник идеи «единого хода» всякой истории, с этими выводами не согласится. Выражаясь терминами проф. Петрушевского, он может возразить таким образом: дело идет о том, чтобы найти общую тему всех тех вариаций, которые представляют собою «истории» отдельных народов. Значит здесь не тождество, а вариации. Допустим, что это так: разные народы, каждый на свой лад, варьируют одну и ту же общую им тему исторического развития. Но что же отсюда следует? А вот что: для истории, превращенной в социологию, все эти вариации представляются элементом случайным, несущественным. Важна «общая тема», которая одна только и свидетельствует о закономерности процесса, представляя собою, в сущности, тот «нормальный порядок последовательности общественного развития», о котором говорил Лавров. С этой точки зрения всякая «частная», как выразился бы Ключевский, история представляет интерес лишь постольку, поскольку она помогает нам, путем уяснения уклонений, определить основной исторический путь, по которому с необходимостью идет история народов. Другими словами, история, как особая наука перестает существовать, — она превращается в подготовитель-

ную часть — правда, весьма обширную — социологии. Историк собирает конкретный материал, социолог его сравнивает, анализирует и устанавливает законы общественного развития.

Но вернемся к фазам, ступеням или стадиям развития, как выражению закона развития, «его же не прейдеши». Что, в сущности, дает нам в этой области применение сравнительно-исторического метода?

Историки и социологи применяют этот метод двояко: либо стремятся открыть общее в истории многих или всех народов; либо, изучая историю данного народа, привлекают материал из истории других народов, чтобы тем самым путем сравнения лучше уяснить особенности и характерные черты истории этого народа. Совершенно правильно указывает А. И. Тюменев на опасности первого из этих способов: «Путь исследования при этом лежит не из частных фактов к общим выводам, не является, таким образом, путем индуктивным. Напротив, исследователь приступает к предмету исследования уже с готовыми обобщениями. Он отыскивает определенные, вперед данные общие черты в жизни отдельных народов, а при таком отношении и предмету исследования рискует прежде всего не обратить должного внимания на характерные частности и индивидуальные особенности и отклонения. Другим последствием такого отправления от общих предпосылок может оказаться, как насилование фактов в интересах схемы, так и поверхностные и недостаточно обоснованные обобщения и параллели» [1]). На этом основании Тюменев рекомендует второй способ применения сравнительно-исторического метода. Оставляя пока в стороне преимущества этого последнего, мы должны констатировать, что сравнительно-исторический метод еще не дал нам ни

---

[1]) *А. И. Тюменев,* Капитализм в древней Греции. Изд. «Прибой» 1923 г. Стр. 6—7.

одного закона истории. Самое большое, что мы имеем, это ряд эмпирических обобщений, которые, впрочем иногда, и выдаются за «законы истории», ни в малейшей степени не будучи таковыми [1]). Такими чисто эмпирическими обобщениями надо признать установление фазисов в развитии брака и семьи, права, религии, государственной власти, экономического быта и т. п. Краткий, но хороший обзор этих обобщений мы находим, между прочим, в книге К. М. Тахтарева [2]). Как приводимые им схемы развития, так и набросанная им самим картина «поступательного развития человечества» в виде восхождения по лестнице из семи ступеней отнюдь не представляют собою того, что можно было бы назвать законом развития человеческого общества. Да и сам Тахтарев, повидимому, склонен не придавать установленной им самим схеме развития значения закона развития общества. «Может быть кто-нибудь из социологов, — говорит он, — пристрастных к слову «закон» и назвал бы установленную мною схему основных ступеней развития человеческих обществ социологическим законом общественной эво-

---

[1]) *К. М. Тахтарев,* изложив точку зрения Спенсера на эволюцию общества, замечает: «Устанавливая определенную последовательность в смене этих различных общественных форм, Спенсер не говорит о законах, а лишь об известной правильности в смене явлений. Впрочем, точно так же поступают и Мак-Леннан, и Льюис Морган, и Эдуард Тэйлор, и Генри Сумнер Мэн, и Максим Ковалевский, и Забер, и Лешурно, и Пост, и Николай Харузин и большинство других ученых, исследовавших историю развития общества и отдельных общественных учреждений». Наука об общ. жизни. Стр. 389. Таким образом здесь мы находим признание, что до сих пор ни один из названных исследователей не открыл ни одного закона развития, хотя большинство их работало при помощи сранительно-исторического метода.

[2]) *К. М. Тахтарев,* Наука об общественной жизни. Главы 11, 13 и 18.

люции. Но я сам не прельщаюсь этим обозначением, не считая возможным называть законом простую последовательность явлений общественной жизни, хотя в этой последовательности и явной зависимости явлений и обнаруживается известного рода закономерность» [1]).

История человечества, начинающаяся в туманной дали давно-прошедших веков, нашими днями не заканчивается, а идет в неведомое будущее. Тот ее отрывок, который лежит между доступным нашему познанию началом и современностью и является предметом исторического изучения. Завершится-ли когда-нибудь эта история? Вероятно, только с гибелью человечества. Но во всяком случае только тогда перед познающим разумом была бы возможность обозреть процесс развития человечества от начала до конца, как процесс завершившийся и путем сравнения истории разных народов найти «нормальную последовательность фазисов развития». Теперь же, обозревая только *часть* того пути, которым идет человеческая история, а именно уже пройденную его часть, мы можем лишь наметить основные поворотные моменты в истории *прошлого,* но ни в коем случае не в истории будущего. Во избежание недоразумений оговариваюсь: я отнюдь не утверждаю, что будущее нам абсолютно неизвестно; я говорю только, что его нельзя познать, изучая прошлое. Но существуют другие средства хотя бы немного приоткрыть завесу грядущего: это изучение тенденций развития современности.

Лежащее за нами прошлое представляет картину развития, усложнения жизни, увеличения ее многообразия. И самый простой способ обозреть историю всего человечества или историю любого народа состоит в том, чтобы представить себе ее в виде смены форм общественного быта с его экономикой, правом, идеологией. Эту смену форм мы уста-

---

[1]) Ib., стр. 370.

навливаем путем наблюдения и констатируем, как факт. Сравнение истории разных народов дает нам возможность отметить общие черты, как в самых формах быта, так и в порядке их смены. Но то же сравнение указывает нам и на громадные различия в истории разных народов. И все схемы развития, известные нам, представляют собою один более, другие менее удачные попытки в общем и сжатом виде формулировать основное содержание исторического процесса. Но было бы неосновательно придавать им большее значение, чем оно присуще предварительным, чисто эмпирическим обобщениям. Эти обобщения необходимы и очень полезны, но это не законы, а указания на закономерность, сущность которой еще надо открыть и открытие которой лежит за пределами компетенции сравнительно-исторического метода [1])

Между тем, эта истина еще не дошла до сознания большинства приверженцев этого метода. Так, очень осторожный, вдумчивый и знающий историк А. И. Тюменев, прекрасно характеризуя применение сравнительно-исторического метода к изучению прошлых судеб отдельных народов, тоже не освободился еще от некоторых иллюзий насчет достигаемых этим методом возможностей. Характеризуя тот способ применения к истории этого метода, который дает наилучшие результаты, он говорит: «Пусть сравнение показывает нам, таким образом, как из одного корня вырастают различные цивилизации, как, подобно веткам дерева, постепенно отделяются от одного общего ствола отдельные группы и типы цивилизаций, как продолжают они разветвляться далее вплоть до последних мельчайших веточек, соответствующих индивидуальным особенностям отдельных культур. Если нам удастся при этом найти и определенно указать причины всех

[1]) См. соображения В. Вундта относительно невозможности при помощи сравнительно-исторического метода установить законы исторического развития в его *Logik*. В. II *в*, стр. 342 второго изд.

этих типично-групповых и индивидуальных ответвлений, то и весь исторический процесс предстанет перед нами в более ясных и определенных очертаниях и мы откроем вместе с этим основу, так сказать, скелет исторического развития; а это в свою очередь значительно приблизит нас к познанию основных исторических законов» [1]). Забегая вперед, я должен сказать, что как бы детально мы не изучали историю, проявляющиеся в ней закономерности мы открываем только тогда, когда приступаем к ее изучению с определенными, предварительно нами установленными взглядами на то, как вообще складываются отношения между людьми [2]). Только имея уже определенное представление о закономерности в отношениях между людьми, можно с надеждой на правильное понимание истории изучать ее. И только при этом условии самое пользование сравнительно-историческим методом дает прекрасные результаты в смысле уяснения закономерного хода истории.

Необходимо отличать понятие закономерности в истории и понятие законов развития истории. Это различие становится совершенно ясным, если мы сообразим, что закономерность обозначает наличность внутренно-необходимой связи между явлениями, а закон представляет собою определенную формулировку этой связи. Можно признавать в истории закономерность и в то же время не знать законов развития истории. Именно этот случай и является господствующим в исторической науке. Сравнительно-исторический метод необыкновенно убедительно доказывает закономерность истории человечества, но довести нас до познания «законов истории» он не в состоянии: это свыше его сил. В руках Тюменева сравнительно-исторический метод, при условии пра-

---

[1]) Стр. 8 выше цит. книги автора.

[2]) *Бухарин*, Теория исторического материализма. Изд. 1923 г. См. об отношении социологии и истории, стр. 11.

вильного его применения (как метода индуктивного исследования явлений исторической жизни), дает хорошие результаты не в силу своих специфических свойств, а потому, что, пользуясь этим методом, Тюменев руководствуется материалистическим пониманием истории. Это понимание истории *предшествует* ее изучению и потому делает его плодотворным.

В итоге этих рассуждений относительно сравнительно-исторического метода мы приходим к выводу, что этот метод ни в каком случае не в состоянии открыть закон исторического развития народов.

VII.

Законы истории и законы эволюции в природе.

Для того, чтобы устранить и другие недоразумения, связанные с попытками найти «закон истории» нам необходимо остановиться еще на концепции П. Л. Лаврова. Мы уже знаем, что он рассматривает историю, как эволюционный процесс, причем отдельные моменты этого процесса представляют собою однажды свершающиеся в данной связи явлений, т.-е. неповторяющиеся факты. Другими словами, история, по его мнению, есть наука о неповторяющихся явлениях развития. Научное исследование истории имеет целью «открыть закон нормальной последовательности фактов общественной жизни, как в отдельных коллективностях, так и в человечестве в его целом» (16). Так как, по его мнению, науки о природе уже много сделали в этом направлении, установив ряд «законов эволюции», то для лучшего выяснения своей мысли он прибегает к аналогии с некоторыми из естественных наук: с эмбриологией, теорией развития миров и теорией развития органической жизни на земле. Представляется странным, как мог Лавров с его ясным умом не заметить того бьющего в глаза факта, что эти аналогии говорят *против* его концепции, а не за нее.

Возьмем, прежде всего, развитие зародыша и превращение его в зрелое животное. Нормальный порядок последовательности фазисов развития зародыша нам хорошо известен. Но как мы его познали? Путем сопоставления огром-

ного числа случаев развития зародыша. Если бы в каждом отдельном случае развитие зародыша происходило особенным путем, то мы не в состоянии были бы открыть общего закона его развития. Следовательно, только благодаря повторяемости явлений развития во множестве случаев возможно было открыть этот закон. И хотя в каждом отдельном случае перед нами так сказать необратимый и однократно совершающийся процесс, тем не менее, благодаря тому, что подобных процессов мы наблюдаем множество, т.-е. благодаря его повторяемости, у нас есть возможность установить закон его развития. Искать здесь аналогии с историческим процессом можно лишь в том случае, если признать, что история одного народа — также необратимый и однократно совершающийся процесс — повторяется в истории другого народа, т.-е. если исходить из предположения, что «история повторяется».

С другой стороны, необходимо отметить, что установление законов развития зародыша в зрелую особь возможно между прочим потому, что эти процессы развития представляют собою процессы завершившиеся или завершающиеся на глазах наблюдателя. Аналогия с историей человечества была бы правильной, если бы эта последняя в ее целом или в истории отдельных народов представляла бы ряд естественно-заканчивающихся процессов, все стадии которых мы могли бы проследить. Но, как это уже указано было выше, ничего подобного в истории человечества мы не наблюдаем. Правда, целый ряд народов, развивших высокую культуру, сошел с исторической сцены, причем развитие как будто бы начиналось с'изнова. Но где у нас доказательства, что греки, римляне, а еще раньше этруски, халдеи, египтяне и другие ныне исчезнувшие народы до конца довели предназначенный им цикл развития и именно в силу этого уступили свое место другим народам? Таких доказательств у нас нет, и, несмотря на ряд общих процессов, история каждого из указан-

ных народов шла своим особым путем, и совершенно нелепо было бы в истории Египта искать ключа для понимания истории Рима, а историю этого последнего представлять себе зеркалом истории европейских стран.

Направление, а следовательно и характер истории данного народа определяется двумя рядами условий: во-первых, условиями его экономического развития при данной географической среде, во-вторых, — условиями его сношений с другими народами [1]). В истории разных народов мы видим разную комбинацию этих условий. Естественно, что и история их в той же мере идет разными путями [2]). Если же тем не менее мы видим в них и ряд общих черт, то это об'яс-

---

[1]) «Для каждого народа его раса, общественное производство и «внешние естественные условия» являются *внутренними* факторами. Если к ним прибавить *внешние* факторы, т.-е. те же элементы окружающих его наций, то в результате дана будет его история». *П. Розенталь,* Борьба за колонии и мировые пути. Стр. 52, изд. 1923 г.

[2]) «Отсталые и малокультурные народы, существующие в наше время, находятся в существенно иных условиях для своего развития, чем народы на той же ступени развития, жившие в более ранние исторические эпохи. Можно ли при этих условиях ожидать, что малокультурные народы нашего времени будут повторять тот же цикл развития, что и народы, раньше выступившие на историческую арену? Очевидно, нет, ибо различные условия естественной и социальной среды при пластичности общественных форм жизни, не могут не вызвать и изменение самого процесса развития». *М. И. Туган-Барановский.* Подчиняется ли история общества законам развития? Ст. в сб. «Новые идеи в экономике» № 5. Спб. 1914 г., стр. 117—118. Пример с отсталыми народами можно обобщить в том смысле, что изменение естественной и социальной среды, окружающей данный народ, вызывает и изменение процесса его развития. А мы ведь отлично знаем, что эти условия действительно изменяются, и поэтому не может быть тождества или даже существенного сходства в истории народов, отделенных один от другого сотнями и тысячами лет. Ту же мысль проводит

няется одинаковостью человеческой природы, которая при одинаковых условиях реагирует на них одинаковым образом. Именно, единством физической и психической природы человека об'ясняется тот акт, что экономика играет в жизни всех народов первенствующую роль и что при сколько-нибудь одинаковых экономических условиях люди везде и всюду группируются в одни и те же общественные союзы. Само собою разумеется, природа человека не представляет собою чего-то неизменного и раз навсегда данного, она сама изменяется в ходе человеческой истории (расовые особенности), но в основных своих физических и психических свойствах она до сих пор была одна и та же как у первобытных народов, так и у современных цивилизованных народов [1]). Итак,

---

и Э. Гроссе в своей известной работе «Формы семьи и формы хозяйства» русск. пер. М. 1898 г. «Человечество движется не по одной лишь линии и не в одном только направлении, но как разнообразны условия жизни народов, точно так же разнообразны и их пути к цели» (стр. 6). Американский социолог Ross также утверждает, что «народы далеки от того, чтобы проходить один общий путь. Они идут по столь же различным путям, сколь различны их условия жизни» Цит. у *К. Тахтарева*—Сравнительная история и etc., стр. 78.

[1]) Считаю нужным заметить, что ссылки французских просветителей XVIII в. и утопистов XIX в. на человеческую природу, как на основной источник всех исторических перемен ничего общего с только-что высказанным положением не имеет. Поэтому, если бы кто вздумал опровергать меня ссылками на Плеханова, много сил потратившего на борьбу с идеей о человеческой природе, как последней, основной базе истории, тот впал бы в несомненное заблуждение. У Маркса в 1-м томе „Капитала" (изд. 1872 г. стр. 526, прим. 64) мы читаем след. строки: „Если, напр., желают знать, что полезно для собаки, то нужно исследовать собачью натуру. Самую же эту натуру нельзя построить из „принципа полезности". Если же принцип полезности прилагают к человеку, т.-е. если хотят обсуждать все дела, поступки, отношения с точки зрения этого принципа, то при этом следует повести речь о человеческой

одинаковый ход истории разных народов обусловливается единством природы человека, приблизительно одинаковыми внутренними (в указанном выше смысле) и внешними условиями их жизни, особенности же истории каждого народа определяются особенностью внутренних и внешних условий их жизни. Возможно ли при таких условиях проводить какую-либо аналогию между процессами, изучаемыми эмбриологией и процессами, изучаемыми историей?

Столь же мало доказательна и аналогия исторического процесса с эволюцией миров или с эволюцией органического мира. Остановимся несколько на этой последней аналогии. Она чрезвычайно поучительна и может уяснить нам очень многое в интересующем нас вопросе.

«Задача биологии, — говорит К. А. Тимирязев в одном из своих обзоров успехов этой науки в XIX веке, — заключалась не в том только, чтобы голословно допустить существование *исторического процесса* образования организмов, а в том, чтобы доказать, что этот исторический процесс был именно таков, что в результате должен был появиться современный органический мир» [1]). Как доказала это биология? Нашла-ли она «нормальную последовательность фазисов развития»? Или как-нибудь иначе?

Ни о какой «нормальной последовательности фазисов развития» при этом не было и речи. Да и не могла быть по самому существу задачи. Надо было показать, как, при помощи каких естественных причин шло развитие организмов «от амебы до человека». Основными факторами органического развития были признаны при этом изменчивость организмов, наследственность их свойств и быстро возрастаю-

---

природе вообще, а потом уже об измененной человеческой природе, как она проявляется в каждой „исторической эпохе". Вот именно об этой „человеческой природе вообще" у меня и идет речь.

[1]) *К. А. Тимирязев,* Основные черты развития биологии в XIX в. Изд. Гранат, 1908 г., стр. 76.

щая прогрессия их размножения. Результатом действия этих причин, действующих в органической природе и в настоящее время, является естественный отбор, выражающийся в выживании форм, приспособленных и в вымирании форм неприспособленных к условиям существования [1]). Таким образом, каждая ступень той лестницы живых существ, которую представляет из себя история органического мира, вовсе не есть определенная каким-то мифическим законом развития очередная фаза эволюции, а результат сложного действия трех указанных основных сил, одинаково проявлявших свое действие на всем протяжении эволюции. Если бы нам был известен закон развития органического мира в том смысле, какой вкладывается в него искателями «закона истории», то мы в состоянии были бы предвидеть и те формы живых существ, которые появятся в будущем. Ведь не остановилось же развитие органической природы на достигнутых результатах!

Но такого закона нет, а потому и будущее органического мира нам неизвестно. Это обстоятельство, однако, не мешает нам признавать, что и в дальнейшем его развитии будут действовать те же факторы, что и раньше [2]).

Значит, если уж проводить аналогию между историческим процессом человечества и эволюцией органического мира, то необходимо при этом исходить из той мысли, что и в истории людей действуют факторы, присутствие которых можно констатировать на каждой ступени в развитии на-

---

[1]) Ibid., стр. 87 и сл.

[2]) См. в вышеуказанной ст. Б. Кистяковского «Категория необходимости» и etc. интересные соображения относительно эволюции. Совершенно правильно говорит он, что эволюция просто факт, а не закон и что явления развития об'ясняются нами не действием мифического «закона эволюции», а действием целого ряда причинных связей между явлениями. „Жизнь". 1900 г., V, стр. 301 и сл.

родов и совокупным действием которых обусловливаются перемены в жизни народов. Но проведенная таким образом аналогия опрокидывает все попытки найти «закон истории» в смысле установления обязательного для всех народов прохождения через одни и те же стадии развития. Но и без подобных аналогий совершенно ясно, что такого обязательства история человечества на народы не возлагает; при несомненном сходстве в некоторых весьма существенных своих сторонах их история обладает столь же несомненными и имеющими огромное значение в их жизни различиями.

VIII.

Марксизм о закономерности в истории.

При поверхностном отношении к социологическим воззрениям Маркса и Энгельса можно думать, что они также придерживались той точки зрения, что развитие народов везде и всюду проходит через одни и те же фазы. В самом деле, в предисловии к «Zur Kritik der politischen Oekonomie», Маркс, между прочим, говорит: «В общих чертах можно отметить, как прогрессивные эпохи экономического формирования общества, азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способ производства. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антогонистическую форму общественного процесса производства [1]). А у Фр. Энгельса мы читаем: «Все одна за другой появляющиеся в истории системы общественных отношений представляют собою лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей к высшей» [2]).

В приведенных словах Маркса и Энгельса нет, конечно, прямого указания на общий закон исторического развития народов, но, при желании, в них можно найти довольно явственный намек на возможность установления такого за-

---

[1]) *К. Маркс*, Критика некоторых положений политической экономии. Пер. под ред. проф. Мануйлова. Спб. 1896 г. Предисловие.

[2]) *Фр. Энгельс*, Людвиг Фейербах. Пер. Г. Плеханова. 1906 г., стр. 32.

кона. В этом же смысле можно истолковать и многочисленные места «Капитала», «Антидюринга» и других работ Маркса и Энгельса. Люди, не давшие себе труда *подумать* над взглядами этих мыслителей и усвоившие их учение из популярных брошюр и газетных статей, совершенно искренно убеждены, что Маркс открыл некий *исторический* закон, по которому все народы переходят в одном и том же порядке от одной стадии развития к другой. И такое упрощенное представление о теории Маркса свойственно, к сожалению, не только людям мало знающим (с них и взятки гладки), но и некоторым довольно почтенным историкам и экономистам. Между тем, нет ничего более превратного, чем такое представление о теории Маркса. В знаменитом письме в редакцию «Отечественных Записок» (в конце 1877 г.) Маркс, между прочим, пишет (письмо было написано по поводу помещенной в указанном журнале статьи Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом Ю. Жуковского»):

«Спрашивается теперь, какое же приложение к России мог извлечь мой критик из моего краткого исторического очерка? Только следующее: если Россия стремится стать нацией капиталистической, по образцу западно-европейских наций, — а в последние годы она не мало потрудилась в этом направлении, — ей не удастся достигнуть этой цели, не превратив сначала доброй доли своих крестьян в пролетариев, а затем, очутившись, однажды, на лоне капиталистического строя, она неизбежно попадет под влияние его неумолимых законов, как и все прочие грешные народы. Вот и все. Но этого моему критику слишком мало. Ему непременно нужно превратить мой очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития, — в теорию, которой фатально должны подчиниться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся), чтобы притти в конце-концов к та-

кому экономическому строю, который обеспечивает им наибольший размах производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие каждого отдельного человека. Но прошу у него извинения. Это значило бы зараз и делать мне много чести и приписывать мне ошибочное мнение, в котором я ничуть не повинен» [1]).

Итак, Маркс вовсе не хотел свой очерк развития капитализма в З. Европе превратить в общую историко-философскую теорию, которая была бы приложима ко всем народам, независимо от их исторического бытия. Другими словами, Маркс признавал огромное влияние на экономическое развитие данного народа *исторических условий* его жизни, т.-е. всей совокупности тех обстоятельств, которые *отличают* его жизненный путь от жизненного пути других народов.

Чтобы сделать свою мысль еще более ясной, Маркс в том же письме иллюстрирует ее примером:

«В различных местах «Капитала» я делаю намеки на судьбу плебеев древнего Рима. Вначале это были свободные крестьяне, обрабатывавшие за свой счет свои собственные участки земли. В продолжение римской истории они были постепенно экспроприированы, причем то же самое движение, которое оторвало их от средств производства и пропитания, повлекло за собою образование крупной поземельной собственности, но также и крупных денежных капиталов. Итак, в одно прекрасное утро появились здесь, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме способности *к труду*, а с другой стороны — для эксплоатации труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздношатающейся чернью», «mob», стоявшей на более низком нравственном уровне, чем даже «белые бедняки» (poor whites)

---

[1]) Письма Маркса и Энгельса. Пер. под ред. Адоратского 2-ое изд. 1923 г., стр. 265—266.

южных штатов С. Америки, а вместе с тем развился и расцвел не капиталистический способ производства, а рабский... Таким образом, события, поразительно аналогичные между собою, но происходившие в исторически-различной среде приводят к совершенно различным между собою результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собою, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя притти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку (passe-partout) какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее надисторичности» [1]).

Комментируя эти по-истине замечательные строки, М. Н. Покровский совершенно справедливо говорит: «Таким образом Маркс... совершенно определенно подчеркивает, что какие-бы ни было экономические схемы могут дать какой-бы то ни было ключ к пониманию реальных общественных отношений, если мы эти схемы поставим на исторический базис, если мы начнем их применять с вопроса, а как сложились те отношения, которые приходится в настоящий момент ликвидировать... Эту индивидуальность общественных отношений Маркс подчеркивает везде, в особенности часто в том «Капитале», который служит жертвой упражнений товарищей, особенно любящих ставить экономические проблемы в строго-абстрактной форме [2]).

Эту *историчность* социологических воззрений Маркса еще в середине 90-х годов прошлого века отметил Плеханов во время своей полемики с народниками. В его «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», мы, между прочим, находим, напр., следующие строки: «Они [фактиче-

---

[1]) Ibid., стр. 266—267.

[2]) См. статью Покровского «Маркс, как историк» в «Вестнике Социалистич. Академии». Кн. IV, стр. 378.

ские отношения между людьми], вечно изменяются под влиянием развития производительных сил, равно как под влиянием той исторической среды, которая окружает данное общество. Раз даны фактические отношения людей в процессе производства, из этих отношений вытекают роковым образом известные следствия. В этом смысле общественное движение законосообразно, и никто лучше Маркса не выяснил этой законосообразности. Но так как экономическое развитие каждого общества имеет «самобытный» вид, вследствие «самобытности» условий, среди которых оно совершается, то не может быть никакой «формулы прогресса», охватывающей прошедшее и предсказывающей будущее экономическое движение всех обществ» [1]). Не в бровь, а прямо в глаз тем социологам и историкам, которые, опираясь на сравнительно-исторический метод, надеются открыть «общую тему» (по выражению Петрушевского) или «нормальный порядок последовательности фазисов» развития (выражение Лаврова), т.-е. в сущности установить «формулу прогресса», пригодную служить «отмычкой» для об'яснения истории всех народов. По отношению к этим историкам и социологам с полным правом можно выразиться так, как выразился Плеханов по отношению к утопистам: «Мы уже видели, как смотрели утописты на законы исторического развития. Законосообразность исторического движения принимает у них *мистический* вид: путь, по которому идет человечество, был, в их представлении, как бы предначертан заранее, и никакие исторические события не могли изменить направление этого пути» [2]).

Нелепое убеждение в том, что история всех народов идет по одному и тому же как бы заранее предначертанному пути,

---

[1]) Цит. по изд. «Моск. Рабочий» 1923 г., стр. 212—213.

[2]) Ibid., стр. 211.

приводит к тому, что история искажается, в ней ищут и *находят* (ибо чего только в истории нельзя найти?) лишь то, что подтверждает данную схему, и без пощады отбрасывают, как неважное, второстепенное, случайное, все, что не укладывается в прокрустово ложе этой схемы. С другой стороны, увлечение абстрактной схемой приводит, как мы уже видели, к отрицанию истории. В самом деле, какой смысл имеет ее детальное изучение, если в сущности везде и всюду происходит одно и то же и если вся разница сводится к различию эпох и несходству имен? Именно о таком уклоне в сторону своеобразной социологической мистики говорит Энгельс в одном из своих писем к Конраду Шмидту: «Материалистическое понимание истории, — пишет он, — имеет теперь множество таких друзей, для которых оно является предлогом не изучать историю. Так, Маркс сказал французским марксистам конца 70-х годов: «Я знаю только одно, что я не марксист» [1]). Из вышеприведенных слов М. Н. Покровского видно, что и в настоящее время есть марксисты, приверженность которых к историческому материализму освобождает их от обязанности изучать историю.

Какое огромное значение основатели материалистического понимания истории придавали данным историческим условиям существования того или другого общества, показывает предположение Энгельса о том, что Россия могла бы избежать в своем развитии всех бедствий капиталистического режима и сразу от первобытной земельной общины перейти к социализму. С точки зрения отвлеченно взятой схемы развития, превращенной в исторический закон, «его же не прейдеши», самая мысль о возможности его нарушения должна казаться нелепой и смешной. А вот Энгельс в письме к Ни-

---

[1]) Письмо от 15 авг. 1890 г. В указанном выше сборн. Адоратского, стр. 301.

колаю—ону от 17 октября 1893 г. писал: «Ни в России и ни в каком другом месте невозможно развить из первобытного земельного коммунизма какую-нибудь более высокую социальную форму, если эта более высокая форма *не существует* уже в действительности в какой-либо другой стране и не служит таким образом примером для подражания... Если бы запад Европы был достаточно зрел в 1860—1870 гг. для такого преобразования (т.-е. для замены капитализма социализмом), если бы это преобразование предпринято было тогда Англией, Францией и пр.,—ну, тогда русские были ли бы действительно призваны показать, что может быть сделано из их «общины», которая в то время оставалась еще более или менее нетронутой» [1]). Здесь для нас имеет значение вопрос не о том, могла ли бы Россия даже при наличности указанного Энгельсом условия совершить переход к социализму, минуя капитализм. Здесь важно отметить, что Энгельс допускал такие социальные преобразования, которые обусловливаются не имманентным развитием экономики данной страны, а теми историческими условиями, в которых данная страна находится. Другими словами, на историю он смотрел, как на процесс развития фактических отношений между людьми, каждый момент которого можно уяснить только путем особого изучения, но отнюдь не при помощи какой-либо метафизической «отмычки». А некоторые представители номологизма в истории, ничто же сумняшеся, орудуют при помощи таких отмычек, иногда прикрывая свои совершенно ненаучные эксперименты материалистической фразеологией.

Насколько мне известно, не только основателям материалистического понимания истории, но и ни одному из их ближайших последователей (Мерингу, Каутскому, Плеханову)

---

[1]) Письма, стр. 310—311. Те же соображения см. также в письме от 24 февраля 1893 г.

и в голову не приходила мысль о создании такой исторической теории, которая давала бы ключ к пониманию прошедшего и предвидению будущего путем установления стадий развития, через которые обязательно должно пройти всякое человеческое общество. Как мы видим, самое существо социологических воззрений Маркса и Энгельса (их «историзм» по выражению Покровского) не позволяло им вступить на этот метафизический путь: историю нельзя конструировать, ее нужно изучать. Но как же быть с закономерностью исторического процесса? Ведь эта закономерность предполагает наличность законов, а эти законы должны быть законами развития, которые показывают, в каком порядке, в каком направлении необходимо развиваются явления. Ведь, если отказаться от установления «нормальной последовательности фазисов развития», то как же возможно предвидение будущего?

Что касается закономерности, то в вышеприведенной цитате из книги Бельтова-Плеханова с достаточной ясностью выражено свойственное марксизму представление о ней: «Раз даны фактические отношения людей в процессе производства, из этих отношений вытекают роковым образом известные следствия. В этом смысле общественное движение закономерно, и никто лучше Маркса не выяснил этой закономерности». И такое понимание закономерности дает Плеханову право отвергать все и всяческие «формулы прогресса».

Что же касается будущего, то Маркс старался выяснить его не путем приложения к истории таких «формул», а путем анализа современной действительности, с целью определить присущие современной общественной формации тенденции развития. Анализ капиталистического строя дает ему возможность определить направление его развития и неизбежность его перехода в новую общественную формацию, со-

циалистическое общество. Этот «метод тенденций», как его называет К. М. Тахтарев [1]), является единственным надежным орудием для познания будущего, по сравнению с которым всякие «формулы прогресса», хотя и имеющие весьма «материалистический» характер, представляют собою детскую игру.

---

1) *Тахтарев,* Социология. 1918 г., стр. 70.

IX.

Плеханов об изучении истории.

Основатели исторического материализма не были историками по специальности. И им, конечно, и в голову не приходило заниматься проблемой о границах исторического и социологического познания. Тем важнее для нас относящиеся сюда соображения Плеханова, одного из лучших теоретиков марксизма не только в России, но и за ее пределами.

Мы уже познакомились с комментариями Плеханова исторической теории Маркса. Чтобы еще более оттенить позицию марксизма в области исторических исследований, приведем еще некоторые относящиеся сюда соображения Плеханова.

«Так как, — говорит он, — почти каждое общество подвергается влиянию своих соседей, то можно сказать, что *для каждого общества существует, в свою очередь, известная общественная историческая среда, влияющая на его развитие.* Сумма влияний, испытываемых каждым данным обществом со стороны его соседей, никогда не может быть равна сумме тех же влияний, испытываемых в то же самое время другими обществами. Поэтому, *каждое общество живет в своей особой исторической среде, которая может быть — и, действительно, часто бывает — очень похожа на историческую среду, окружающую другие народы, но никогда не может быть и никогда не бывает тождественна с ней.* Это вносит

чрезвычайно сильный элемент разнообразия в тот процесс общественного развития, который с нашей прежней, отвлеченной точки зрения представлялся до крайности схематичными» [1]).

Какую же это «прежнюю» точку зрения на исторический процесс Плеханов называет отвлеченной? И в чем состоит это «до крайности схематичное» понимание этого процесса? Внимательный читатель указанной книги Плеханова сразу догадывается, в чем дело. Излагая и поясняя историческую теорию Маркса, Плеханов сначала выяснил остов этой теории, а потом постепенно облек этот остов плотью и кровью ее применения к изучению истории. Само собою разумеется, вначале теория имела весьма отвлеченный характер, и в ее освещении исторический процесс приобрел «до крайности схематичный» вид. И только введя понятие «исторической среды», Плеханов сделал эту теорию пригодной для изучения исторической действительности во всем ее разнообразии.

Плеханов поясняет свою мысль примером. «Родовой союз есть форма общежития, свойственная всем человеческим обществам на известной ступени их развития. Но влияние исторической среды очень разнообразит судьбы рода у различных племен. Оно само придает самому роду тот или другой, так сказать, индивидуальный характер, оно замедляет или ускоряет его разложение, оно в особенности разнообразит процесс этого разложения. Разнообразие же в процессе разложения рода обусловливает собой разнообразие тех форм общежития, которым родовой быт уступает свое место» [2]).

Многие марксисты, совершенно искренно считающие себя таковыми, нередко забывают, что одно дело дать отвлечен-

---

[1]) К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Указ. издание, стр. 156. Курсив автора.

[2]) Ibid., стр. 156.

ную схему исторического развития и совсем другое дело уметь прилагать эту схему к изучению исторической эмпирии. Игнорируя влияние исторической среды, они упорно ищут в экономике данного народа об'яснения всех явлений его исторической жизни. Само собою разумеется, что такие поиски подчас бывают совершенно бесплодными по той простой причине, что очень часто бывает, когда судьбы данного народа определялись не его собственной экономикой, а экономикой его соседей. Этот случай настолько частый в истории народов, что породил даже иллюзию насчет самостоятельности «политического фактора» [1]). В конечном счете все исторические перемены сводятся, несомненно, к экономике, но для историка важно уметь найти ее там, где ее влияние действительно имеет место, а не там, где ей полагается быть в силу отвлеченно взятой схемы развития [2]).

Заканчивая свои раз'яснения исторических воззрений Маркса, Плеханов совершенно справедливо говорит: «Оказывается, что Марксово понимание истории, не будучи вовсе «ограниченным» и «односторонним», открывает нам огромное поле для исследования. Нужно много труда, терпения и любви к истине, чтобы хорошо обработать хотя бы очень маленькую часть этого поля» [3]).

---

[1]) См. об этом у Плеханова «Собрание сочинений», том VIII, стр. 182 — 184.

[2]) См. вскользь брошенное, но глубокое по содержанию замечание о различии между „алгеброй и арифметикой общественного развития" в „Основных вопросах марксизма". Изд. „Огни" 1917 г., стр. 35. На стр. 95 этой же книги мы находим указание на крайний схематизм в исторических построениях Фриче и Рожкова. Им „надо пожелать, — говорит он, — прежде всего и больше всего *изучения современного материализма*. Только *марксизм* может спасти всех их от *схематизма*".

[3]) «Очерки по истории материализма». Собрание сочинений, том VIII, стр. 185.

Блестящим образом применения к истории Марксова метода исследования является его «История русской общественной мысли». Основной «пружиной» процесса исторического развития русской общественной жизни у него выдвигается экономика, развивающаяся под влиянием определенной географической среды и испытывающая на себе воздействие меняющейся исторической обстановки. Придерживаясь взглядов Плеханова, историк, приступая к своей работе, должен запастись следующими социологическими истинами:

1) В основе исторического развития всякого народа лежит его экономика, порождающая определенное строение общества, борьбу классов и выростающие на ее основе государственные и правовые учреждения. Все вместе обусловливают развитие определенной идеологии.

2) Характер и особенности экономики, а также темп ее развития, в значительной мере обусловливаются естественными условиями страны.

3) Экономика данного народа, а равно и взаимоотношения классов, характер классовой борьбы и особенности идеологии данного народа испытывают на себе влияния других народов (влияние исторической среды), история которых, в свою очередь, складывается под влиянием их экономики.

Ясно, что историк должен хорошенько разобраться в сложном переплете этих взаимовлияний, чтобы об'яснить, как следует, подлежащие его изучению исторические судьбы народов. Придерживаясь вышеформулированных социологических истин, историк никогда не впадает в грех схематизма, заставляющего об'яснение заменять шаблоном, а работу научного исследования—механическим распределением фактического материала на прокрустовом ложе отвлеченной схемы.

Мне кажется, что после сделанных мною раз'яснений относительно позиции марксизма в области затронутых мною вопросов, не остается ни малейшего сомнения в том, что

марксизм и то крайнее выражение номотетизма в истории, которое сводит ее к социологии, совершенно несовместимы. Исторический материализм есть определенное социологическое учение, снабжающее историка правильным методом для исторических исследований [1]). Но оно отнюдь не покушается на самостоятельность истории, как науки, отличной от социологии.

---

[1]) «Материалистическое об'яснение истории имело прежде всего *методологическое значение*». Плеханов, Основные вопросы марксизма. Изд. „Огни", 1917 г., стр. 35.

X.

Самостоятельность истории, как науки.

Если вначале мы видим историю в форме чисто описательной науки, довольствующейся собиранием и хронологической систематизацией фактов самого разнообразного рода; если в дальнейшем мы наблюдаем поиски законов истории, приводящие, в конце-концов, к отождествлению истории с социологией, т.-е. к отрицанию истории, как особой науки, то теперь мы приходим к заключению, что история есть все же особая от социологии наука, но в то же время очень далекая от того, чем она была когда-то. Прекрасное определение задач исторической науки дает проф. Платонов в своем курсе лекций по русской истории. Он говорит: «История есть наука, изучающая конкретные факты в условиях времени и места, и главною целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества» [1]). К сожалению, Платонов не удержался от искушения выразить надежду, что в будущем, путем тщательного изучения фактов, историческая наука дойдет до открытия «постоянных законов и отношений, господствующих в человеческом обществе».

Попробуем разобраться в существе исторической науки,

---

[1]) Стр. 4 указанного труда.

и тогда нам станет ясным, что мы можем от нее получить и чего она нам дать не может.

Все так-наз. реальные науки можно — с точки зрения способа изучения явлений — разделить на две группы. Одни из них изучают то, что *было* или что *есть,* конкретные явления природы и человеческой жизни. Когда-то они назывались описательными науками. Проф. Кареев удачно называет их феноменологическими. Такими науками являются, напр., минерология, ботаника, зоология. Предметом их изучения является факт, как таковой. Их задача состоит в том, чтобы констатировать наличность факта, описать его свойства и показать его связь с другими фактами той же области явлений. Другими словами, систематическое изображение конкретных фактов данного места и данного времени в их взаимной связи — вот основная задача феноменологических наук. Но было бы ошибочно делать отсюда тот вывод, что феноменологические науки имеют дело с единичным индивидуальным, в смысле Виндельбанда или Риккерта. Дело здесь не в том, чтобы уловить единичное или индивидуальное, а в том, чтобы дать ясное представление о явлении или группе явлений, как они существуют в действительности. Минералогия, ботаника и зоология, напр., вовсе не изучают каждый данный минерал, каждое данное растение и животное, а их *виды.* Будучи *практически* самостоятельными, эти науки теоретически представляют собою некую предварительную ориентировку в явлениях, подлежащих более глубокому изучению. Они не самостоятельны в выборе точек зрения, в систематизации материала. В этом смысле минералогия, напр., зависит от физики и химии, ботаника и зоология от биологии. Но при всем том они все-таки представляют *особые* отрасли знания, настолько обширные и сложные, что для их разработки требуется соединение специальных усилий множества лиц, всецело посвятивших себя их изучению.

Другой ряд наук, — по терминологии Кареева, *номологи-*

ческих (т.-е. наук о законах) — это науки, изучающие то, что *бывает*. Примером их являются уже упомянутые физика, химия, биология. Не само по себе явление в его типической или индивидуальной конкретности, а *законы его бытия* — вот предмет этих наук. Изучение явлений, как таковых, занимает огромное место и в этих науках, но оно подчинено основной идее, — установить законы явлений. На их отыскание и формулировку и направляются все усилия физиков, химиков и биологов. А так как цель нашего познания природы заключается именно в том, чтобы уяснить себе ее закономерность, то на эти науки нужно смотреть, как на следующий шаг в познании тех же самых явлений, изучением которых заняты науки феноменологические.

Итак, различие между науками феноменологическими и науками номологическими заключается, во 1), в том, что первые изучают явления, факты, как таковые, отодвигая на второй план их закономерные соотношения между собою, а вторые изучают, главным образом, именно эти соотношения, интересуясь самими явлениями лишь постольку, поскольку они представляют из себя проявление закономерности, и, во 2), в том, что феноменологические науки представляют первую, а номологические вторую стадию изучения действительности. Следовательно, различие между ними не принципиальное, а чисто практическое, т.-е. вытекающая из познавательной деятельности человека: прежде, чем понять законы явлений, мы знакомимся с самими явлениями в их особенностях, сходствах и различиях между собою.

В тех случаях, когда сама практика изучения действительности не вызывает необходимости выделять феноменологическую стадию изучения в особую отрасль знания, она тесно сплетается с номологической. Так, в химии и астрономии такой надобности нет; поэтому чисто описательная часть этих наук не выделяется в особую феноменологическую

науку. Но на начальных ступенях своего развития эти науки были чисто описательными [1]).

Все эти раз'яснения помогут нам уяснить специфические особенности исторической науки. Ясно, что это есть наука не о том, что *бывает,* а о том, что *было.* Она есть наука феноменологическая. Как таковая, она изучает «конкретные факты в условиях места и времени», причем, в конечном счете, получается «систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества». Как и всякая другая феноменологическая наука, она представляет собою предварительную ступень в познании социальной действительности и в способах систематизации фактов при изображении развития народов. Она зависит от номологической науки о социальной действительности, от социологии. Изменение социологических воззрений изменяет и способы группировки исторического материала.

Однако, практика нашего познания социальной действительности не дает возможности так просто и легко решить вопрос. С точки зрения теоретической историю, как науку феноменологическую, можно было бы включить, как составную часть в соответствующую ей и над ней стоящую номологическую науку социологию: ведь история есть первая ста-

---

[1]) У Сеньобоса (в его книге «Исторический метод в применении к социальным наукам». М. 1902 г.) мы находим иной подход к сущности исторической науки. «Фактов исторических по природе не существует, есть факты исторические по *положению.* Историческим будет всякий факт, который мы не можем наблюдать непосредственно, так как он перестал существовать. Исторических фактов не существует; есть только исторический способ, которым мы познаем их. История не наука. Она только особый процесс познавания». Стр. 5. То, что *было* и *прошло* и составляет область истории. Никто иначе эту область познания и не понимает. Но это есть *область* знания, а *не способ* познания. Другими словами, история есть наука.

дия в познании социальной действительности, заключительной стадией которого является социология. Но в том-то и дело, что эта логически столь простая операция практически не только теперь, но и в будущем едва ли может быть осуществима. По своим размерам, по способу изучения явлений, а также по тому особому интересу, который мы питаем к истории, она всегда будет особой, ведущей самостоятельное существование наукой.

У нас существует сильнейшая потребность знать, как *было* то-то и то-то. Трюизмом является утверждение, что знание прошлого раскрывает нам смысл и значение настоящего; история дает нам возможность лучше понимать современность. Но истина, выраженная в этом трюизме, весьма сомнительного свойства. На самом деле условиями современности определяются наши поиски в архивах прошлого. Не все, что было в прошлые времена, в одинаковой мере нас интересует. А то, что в нем кажется нам важным для изучения, целиком определяется теми целями, которые мы себе при этом ставим. Все, что волнует и занимает нас в настоящее время, отражается на наших интересах по отношению к прошлому и заставляет нас одно в этом прошлом внимательно и детально изучать, а другое оставлять в тени.

Вот, напр., что читаем мы в предисловии к «Истории Германии» Ф. Меринга: «Выбор исторического материала, — говорит он, — следовало произвести в соответствии с задачами партийной школы и партийного обучения. Они сводились к тому, чтобы сделать возможным для учащихся понимание германской истории, поскольку она оказывает косвенное или прямое воздействие на германское рабочее движение» [1]). Итак, германская история рассматривается Мерингом с точки зрения уяснения условий развития немецкого рабочего дви-

---

[1]) *Франц Меринг*, История Германии с конца средних веков. Пер. с нем. Изд. «Кр. Новь» 1923 г., стр. 9.

жения. Это не значит, конечно, что он фальсифицирует историю; это значит только, что из обширнейшего скопления бесконечно разнообразного материала фактов он берет лишь то, что ему нужно, но это нужное он разрабатывает в соответствии с общими приемами научного исследования.

В сущности исторический материал переворачивается с верху до низу всякий раз, когда существенно меняется характер интереса к прошлому; а это изменение обусловливается борьбою интересов в настоящем. Каждая историческая эпоха имеет свою историческую науку. Вот почему история является старой и в то же время вечно новой наукой. Современники Карамзина были в восторге от его «Истории государства российского». Но уже в эпоху Соловьева она не читалась. Ключевский вытеснил Соловьева, но и Ключевский уже во многих отношениях нас теперь не удовлетворяет. Ответы на наши запросы о том, что было, мы ищем у Покровского и Рожкова. Почему такая смена одних «историй» другими? Дело не в устарелости только, как склонны думать некоторые, а в изменении наших запросов к исторической науке. То, что привлекает в области прошлого сейчас, было неинтересно для современников Соловьева, а тем более Карамзина. И нет ни малейшего сомнения, что грядущие поколения пожелают выяснить себе те стороны прошлого, которые нас сейчас не занимают [1]).

---

[1]) Материалистическое понимание истории пересоздает все построенное раньше здание исторической науки не только с точки зрения нового плана расположения фактического материала, но и с точки зрения привлечения к изучению нового материала. А самое это понимание могло возникнуть лишь при совершенно определенных исторических условиях жизни З. Европы, о чем см. *Ф. Энгельса*, «Людвиг Фейербах», стр. 69 вышеуказанного издания. Теоретичееки вполне допустимо предположение, что при новом повороте истории прошлое предстанет перед нами в новом свете и вызовет вновь необходимость перестройки нами созданной исторической науки.

Итак, история должна быть и не может не быть самостоятельной отраслью знания. Но в то же время она вовсе не есть единая наука; это собирательное обозначение ряда отдельных наук: истории экономики, права, государства, общественных форм, культуры, религии, философии, науки, литературы, нравов, театра, музыки, живописи, танцев и т. д. и т. д. Правда, чаще всего мы соединяем в одно целое несколько отдельных «историй», преимущественно экономическую, политическую и «культурную» и получаем таким образом ту науку, которую обычно и именуют историей. Единственным оправданием для этой операции является наша потребность в синтетическом обозрении развития важнейших сторон того общественного процесса, начало которого теряется во мраке прошлого, а последние известные нам его моменты сливаются с окружающею нас современностью. Но хотя это и единственное оправдание, оно тем не менее вполне основательное. Когда говорят об «истории России», «истории Франции» и т. д., имеют в виду именно такой синтетический обзор прошлых судеб русского народа, французского народа и т. п. Но, смотря по надобности, из сложного переплета явлений прошлого мы вибираем какую-либо одну частность и делаем ее предметом особого изучения.

Но как бы не изменялся фактический материал, над которым работает историк, как бы не менялись его задания, оценки и методы группировки фактов всегда и во всякое время история представляет собою науку феноменологическую. Ее душою является выяснение того, что *было,* а не того, что *бывает.*

XI.

Бесплодность отождествления истории с социологией.

Когда историки, утверждающие, что правильно понятая история есть социология, принимаются за изложение истории какого-либо народа, они практикой своей работы обыкновенно опровергают теоретические свои взгляды на тождество этих двух совершенно различных областей знания. («Практикой должен показать человек истину своего мышления»,—говорил Маркс). Труды двух наших современных историков — М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова, посвященные изложению русской истории, с необыкновенной ясностью показывают, как должен и как не должен поступать историк, как таковой, когда он занимается собиранием и обработкой фактического материала, подлежащего его изучению. В «Русской истории с древнейших времен» Покровского и в «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» Рожкова дело идет не об истории вообще, а именно о *русской* истории, т.-е. о процессе развития человеческого общества в определенных условиях места и времени. Именно в силу этих условий русская история не может не быть своеобразной, — каковой, впрочем, является в силу тех же условий и история всякого другого народа, — и задача историка заключается в том, чтобы как раз эти-то своеобразия и уловить: иначе это была бы вовсе не *русская* история. И оба указанных автора, каждый на свой

собственный манер, справились с своей задачей. Но в то время, как М. Н. Покровский подошел к своей задаче, как *историк*, Н. А. Рожков подошел к ней, как *социолог*. И это обстоятельство весьма существенно отразилось на их трудах: «Русская история» первого оказалась более стройной и выдержанной *исторической* работой, чем «Русская история» последнего.

Переходя от одного тома обширной «Русской истории» Покровского к другому, вы все время вращаетесь в условиях именно *русской* действительности. Автор знакомит вас с особенностями в развитии экономии, социальных отношений, классовой борьбы, свойственными русской истории; иногда он касается бытовой жизни (например, изображая русское общество эпохи Петра I), иногда дает характеристики личностей, игравших определенную роль в событиях своего времени (Петра I, Екатерины II, Александра I). Словом, «История» Покровского представляет собою работу, которую без всякого сомнения можно было бы отнести к числу так-называемых идиографических работ. На протяжении нескольких сот страниц читатель не только не находит каких-либо намеков на формулировку каких бы ни было «законов истории», но даже ему и в голову не приходит мысль о необходимости формулировать такие законы. И, действительно, в этом нет никакой нужды: когда автор говорит о причинах какого-либо события, например, упадка Приднепровской (Киевской) Руси XII века, он указывает на ряд действительных и конкретных фактов, вызвавших этот упадок, а именно, перемещение торговых путей и усиленную охоту за рабами, составлявших, по его мнению, главный предмет вывозной торговли Киевской Руси. Вы можете и не соглашаться с таким именно об'яснением данного явления, но в чем бы оно ни состояло, оно должно быть сделано в той же самой плоскости, т.-е. в указании на те конкретные явления, которые вызвали упадок Киевской Руси. Касаясь причин закрепощения крестьян, Покровский сводит их к развитию

денежного хозяйства, которое в *данных исторических условиях* должно было привести к установлению крепостного права на Руси. И так поступает он во всех случаях, где требуется дать достаточное об'яснение историческим фактам. И несмотря на то, что ни в одной из глав нет ссылки на какой-либо «закон истории», вы чувствуете, что автор — детерминист, вы воспринимаете в его изложении русскую историю, как закономерный процесс. Критика источников, анализ—подчас очень тонкий—фактов, яркость изображения—все это делают труд Покровского образцовым *историческим* трудом, каким является, например, известный труд Ключевского по русской истории.

Таким образом, подойдя к изучению русской истории с определенными социологическими предпосылками (а именно с материалистическим пониманием истории), Покровский дает, выражаясь словами проф. Платонова, «систематическое изображение развития и изменений отдельного исторического общества», т.-е. в данном случае историю России. Больше от историка и требовать нечего. Весь вопрос—помимо хорошего знания фактов и умения в них разбираться, для чего требуется специальная выучка,—сводится к тому, чтобы к изучению и изложению истории приступать с правильными социологическими предпосылками [1]).

---

[1]) Такими же образцовыми трудами по истории России являются труды Ключевского и Платонова. Ваше дело и ваше право не соглашаться с ними в об'яснении тех или других явлений русской истории, но даже и в своих ошибках они не выходят из пределов исторической науки. Они хотят дать вам точно установленные факты в их действительной связи между собою. А в этом именно и заключается альфа и омега исторической премудрости. Первое, т.-е. точное установление фактов зависит от знания источников и умения ими пользоваться; второе, т.-е. установление правильной связи между фактами, обусловливается правильной социоло-

Н. А. Рожков в своем многотомном труде «История России в сравнительно-историческом освещении» пошел другим путем. Он исходит из того положения, что история всех народов проходит одни и те же стадии развития (главных стадий развития, по его мнению, девять) и полагает, что это можно доказать параллельным изложением исторического развития России и других стран. России он посвящает много места, другим странам значительно меньше, сплошь и рядом ограничиваясь эскизным наброском с массой имен. Таким путем он полагает возможным создать динамическую социологию. История интересует его не сама по себе, а как материал для построения социологии. К сожалению, на избранном им пути очень легко можно уйти от истории и не притти к социологии. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько правильно передаются им факты исторической жизни народов, я должен совершенно определенно заявить, что поставленной себе социологической задачи Рожков не разрешил и разрешить не мог.

В критической литературе, вызванной книгами Рожкова, уже указывалось, что «девять основных периодов», которые «можно различать в истории каждого общества, каждой культуры установлены им произвольно, не по одному какому-нибудь признаку, а по разным, что, конечно, в корне противоречит основному правилу всякой классификации [2]). Но даже в том случае, если бы Рожкову удалось создать, действительно, удачную в логическом смысле классификацию периодов развития, то и в этом случае он

гической точкой зрения. Беда многих историков и заключается именно в том, что их социологическое мировоззрение либо наивно, либо неправильно.

[1]) *Покровский,* Борьба классов в русской исторической литературе. Изд. «Прибой» 1923 г., стр. 114.

все равно не достиг бы поставленной им себе цели. Чтобы судить о его социологических достижениях, надо иметь в виду, что ему хочется открыть тот «нормальный порядок последовательности», о котором говорил еще Лавров и о каком мечтают все те историки и социологи, которые понимают историческую закономерность в смысле формулы развития, обязательной для всех народов и времен.

В одной из более ранних работ Н. А. Рожкова мы читаем: «Чтобы понять очередные задачи политики, необходимо тщательно определить на основании законов социальной динамики тот период, какой переживает данная страна, выяснить, таким образом, какие общественные формы имеют в ней будущность и найти конкретные приемы и средства к облегчению появления на свет новых форм» [1]). Автор этих строк представляет себе дело, очевидно, таким образом: существует некий закон исторического развития народов, по которому все народы последовательно переживают определенные—одни и те же у всех народов—стадии развития. Каждая из этих стадий характеризуется определенным хозяйственным и социальным строем и определенным соотношением общественных сил. Если это так, то общественному деятелю стоит только приложить установленную социологическую схему к данным общественным отношениям, чтобы выяснить, какую стадию развития переживает страна (или народ, государство) и таким образом определить свои практические задачи. Все это очень соблазнительно, но мы прямо упираемся при этом в тот самый «закон истории», о котором у нас уже была речь выше. В сущности, Рожков превратил марксовский анализ развития капиталистического общества в универсальную философско-историческую теорию, в своего рода «отмычку», при помощи которой можно

---

[1]) *Рожков*, Основные законы развития общественных явлений (Краткий очерк социологии). Спб. 1907 г., стр. 87.

раскрыть все тайны грядущего. А так как и в большом своем труде Рожков пошел тем же путем, то, разумеется, ничего кроме пресловутой «отмычки» у него не получилось и не могло получиться.

К счастью для Н. А. Рожкова, он не только социолог, но и историк и притом, как историк он лучше, чем социолог. И поэтому-то, следя за естественным развитием фактических отношений в разных странах, он вынужден допустить ряд оговорок, которые делают весьма проблематичным установленный им «исторический закон».

«Чем примитивнее период, — совершенно верно заявляет он, — тем более сходно его течение в разных культурах, тем меньше встречается своеобразных отклонений, требующих специального научного об'яснения [1]). Переходя к рассмотрению того периода истории, который носит у него название «дворянской революции», Рожков говорит: «Мы еще ни разу не наблюдали в прошлом такого своеобразия и оригинальности, таких важных и значительных отклонений от общей нормы, как в период дворянской революции... Никогда прежде своеобразие не достигало такой высоты, как в период дворянской революции» [2]). В введении к 8 тому «Истории России» он говорит: «Мы видели до сих пор, как много своеобразного представлял процесс русского исторического развития вплоть до полного торжества дворянства и старого порядка» [3]). Переходя к обзору следующей за старым порядком стадии развития, — демократической революции, — автор вынужден даже изменить порядок изложения. До сих пор речь шла прежде всего о России, а затем уже о других странах. «Сейчас это становится неудобным,—заявляет он,— слишком своеобразное русское историческое развитие

---

[1]) «Русская история», т. VI, стр. 275.

[2]) Ibid, стр. 276.

[3]) «История России», т. VIII, стр. 7.

XIX и XX веков целесообразнее исследовать после того, как будут изучены буржуазно-демократическая революция и производственный капитализм в других странах: тогда многое будет яснее и понятнее и в новейшей истории России» [1]).

Рожков не закрывает глаз на то, что своеобразными чертами обладает не только история России. Он говорит: «Переход от старого порядка к буржуазному строю совершился не только в тех странах Западной Европы, о которых шла у нас речь в предшествующем изложении: его пережили и Нидерланды, и Бельгия, и скандинавские страны, и страны Балканского полуострова: — Греция, Румыния, Сербия, Болгария, Турция. Вне Европы его переживают, не считая Японии,—Китай, Индия, Персия, Египет. Но, что касается этих последних стран и Турции—там этот переворот только еще совершается, далеко еще не является законченным. Относительно же других упомянутых сейчас политических об'единений можно сказать, что он совершился или почти безболезненно, или посредством войн, которые заменили собой революцию» [2]). Несколькими строками ниже он называет демократически-буржуазные революции, совершившиеся в Англии, Франции, Пруссии, Австрии, Германии, Италии и Испании, — «типичными, характерными, каждая в своем роде, революциями».

Тот вывод, к которому неизбежно приходит всякий беспристрастный читатель этих строк, заключается в том, что не все страны в своем развитии идут одним и тем же путем (существуют «отклонения», требующие «специального научного изучения») и, что там, где наблюдается одинаковая смена «периодов», она совершается различным образом (революциями, войнами, мирным путем). Спрашивается, как же быть в таком случае с той «отмычкой», которую в виде обяза-

---

[1]) Ibid, стр. 7—8.

[2]) Ibid, т. VIII, стр. 244.

тельной схемы развития устанавливает автор в начале своего труда и правильность которой он и хотел доказать изложением истории всех стран? И сколь много может дать политическому деятелю эта «отмычка», если, опираясь на нее, он не в состоянии решить, как должна произойти ожидаемая им смена одного порядка другим: при помощи революции, войны или мирным путем? Едва ли имеют какое-нибудь значение предсказания вроде знаменитого: «либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет».

Пытаясь об'яснить и «отклонения» от того хода развития, которое он почему-то считает «нормальным» и разные способы перехода к одному и тому же строю, Рожков говорит: «Мы думаем, что ответа здесь надо искать в прошлом изучаемых стран [1]). Совершенно верно. Но при чем же тогда уверенность в применимости одной и той же схемы развития ко всем странам и народам? Как социолог, Рожков стремится утвердить господство созданной им схемы развития на протяжении всей истории, как историк он, в сущности, очень охотно допускает большие от нее отклонения. Страны, отсталые в своем развитии, имеют возможность, по его мнению, «снимать сливки с культурных достижений передовых стран и потому смягчать отношения, отсрочивать взрывы, миновать некоторые первоначальные этапы, ускоренно проходить другие [2]). В этих словах все-таки заключается признание какой-то «нормы» и каких-то от нее «отклонениях», но характер самих «отклонений» превра-

---

[1]) Ibid, стр. 247. Интересно было бы знать, когда именно при ознакомлении с историческими фактами мы ищем ответа на вызываемые ими вопросы *не* в прошлом изучаемой страны? Неужели только «отклонения» от нормы требует именно таких ответов, а сама «норма» познается как-то иначе? Не лучше ли отказаться от «нормы» и «отклонений» и искать об'яснения исторических фактов *во всех случаях* в прошлом данной страны?

[2]) Ibid, стр. 247.

щает в фикции и их «нормы». Итак, практика разработки колоссального фактического материала истории заставляет Рожкова-историка постоянно и иногда очень успешно бороться с Рожковым-социологом. Гигантская попытка превратить историю в социологию потерпела полное фиаско [1]).

Подводя итоги всему изложенному выше, еще раз надо подчеркнуть, что история представляет собою особую от социологии и *по материалу* независимую от социологии науку. Эта наука изучает исторический процесс, как процесс закономерный. Но закономерность исторического процесса она должна понимать научно, а не метафизически.

---

[1]) Автор интересной работы «Русская история в освещении экономического материализма», Казань, 1922 г. М. В. Нечкина, сравнивая Рожкова и Покровского, пишет: «Рожков сначала думает об истории, затем мысли свои прикладывает к живому исследованию исторического материала, сначала создает социологическую схему, а затем укладывает факты на ее прокрустово ложе. Покровский сначала исследует, а потом отвлекает, обобщает, составляет социологические взгляды на общий ход исторического развития. Рожков сначала философ истории, а затем историк—обычно это невыгодное положение. Покровский сначала историк и исследователь, а затем философ истории, социолог», стр. 121.

Это противопоставление в одном, очень существенном, пункте неправильно. Дело вовсе не в том, что один *сначала* социолог, а другой *сначала* историк, а в том, что один смотрит на историю, как на фундамент для построения социологии, а другой разрабатывает ее, как самостоятельную отрасль знания. Но и он стоит на точке зрения определенных социологических понятий, которые он вовсе не вывел из истории путем обобщения изученных им фактов, а *внес* их в историю, руководился ими при обработке исторического материала. Предвзятая схема характеризует не социологический, а ненаучный подход к истории. Социологом должен быть каждый историк, так как научное изучение истории теперь невозможно без *предварительной* (а не выведенной из изучения истории) социологической ориентировки в вопросах общественного бытия людей.

Это понимание является метафизическим (в духе старой философии истории), когда она ищет и якобы находит какой-то закон исторического развития всех народов. Такого закона нет, его еще никто не нашел и никогда не найдет [1]). Научное понимание закономерности в истории сводится к признанию господства в истории причинной связи явлений. Но, разумеется, голого признания принципа причинности в истории еще недостаточно, чтобы эту закономерность установить, найти. Для этого требуется еще особое исследование о том, где именно надо искать причин исторических явлений. Но такого рода исследование есть работа социолога. И правильное уяснение этого вопроса дает историку правильное, действительно научное, понимание истории и, таким образом, дает ему возможность правильно констатировать причины исторических событий.

Данное состояние каждого исторического общества обусловливается всей совокупностью предшествовавших ему состояний и событий, которые, в свою очередь, находят свое об'яснение в состоянии и событиях еще более ранних. Когда мы с достаточной обстоятельностью выясняем все эти последовательно-сменяющие друг друга состояния и события, и устанавливаем между ними причинную связь, мы тем са-

---

[1]) «Общий ход истории каждой страны, типы культурной эволюции, в ней совершающейся, зависит не от действия какого-либо общего закона, управляющего последовательностью событий в жизни народа, которыми определяются его судьбы и направляющего известным образом развитие его внутренних отношений, — такого закона вовсе и нет,—а они особо в каждом случае условий, в каких приходится жить и действовать тому или другому народу.» *Кареев*, Историология (теория исторического процесса), 1915 г., стр. 65. В дальнейшем он совершенно правильно замечает, что представление о таком законе является «наследием или идеи о провиденциальном плане, предначертанном для истории, или метафизического понятия о сокровенной сущности истории».

мым познанием закономерность исторического процесса. Она именно и состоит в этой необходимой связи последующего с предыдущим. Никакие общие формулы и схемы развития здесь ничему не помогают; все познается путем социального изучения. И нет ни малейшей нужды устанавливать при этом «нормы» и «отклонения», так как все здесь «норма», если понимать под нею процесс, имеющий достаточные основания для своего развития как раз в данном направлении. «Общая законосообразность всего совершающегося... в сущности, сводится, — справедливо говорит проф. Кареев, — к порождению теми же или сходными причинами тех же или сходных следствий, причем камбинации этих причин варьируются до бесконечности [1]).

Но что является в истории причиной, что следствием это из самой истории не выведешь. Чтобы разобраться в вопросе о причинности, господствующей в истории, надо выйти за ее пределы, подняться в область социологии. Но и в этой области надо отрешиться от вредных привычек мысли и взять социальную действительность в том виде, как она есть. Только тогда мы и получим возможность правильного научного понимания и изучения причинности в истории.

Проф. Кареев, которого мы только-что цитировали, тем и грешит, что у него нет ясной и определенной социологической позиции. В ряде своих теоретических работ он высказывает много верных и порою глубоких соображений относительно основных вопросов понимания истории. Но, наряду с правильными идеями, он проводит и прямо им противоположные. Получается вполне определенное впечатление несведенности концов с концами. Вставками, дополнениями, раз'ясниями, соединением несоединимого, он до бесконечности усложняет всякую проблему, и если читатель, напр., его огромного труда «Сущность исторического процесса и роль

---

[1]) Ibid, стр. 65.

личности в истории» в начале что-нибудь и понимает и даже с интересом следит за ходом мыслей автора, то, дойдя до конца, перестает что-либо понимать, ибо у него получается убеждение, что в сущности всякое следствие обусловливается множеством причин и что, напр., белый жилет Наполеона имел столь же большое влияние на ход развития современной ему Франции, как и его военный гений, или как состояние ее производительных сил. Итак, научно разработанная социология должна лежать в основе научно понимаемой истории.

И если, по мнению Энгельса, для многих марксистов материалистическое понимание истории служит предлогом не изучать историю по историческим трудам таких «марксистов», мы не должны судить об историческом материализме. Для настоящего времени он является единственной социологической теорией, достойной титула научной теории. Но она все еще представляет эскиз и все еще вызывает необходимость углубления в ряд проблем, частью ею еще совсем не затронутых.

XII.

Правильное взаимоотношение между историей и социологией.

Социология, как наука, до сих пор еще, к сожалению, находится в младенческом состоянии, хотя сотни социологов написали на разных языках сотни толстых книг под громкими названиями: «Система социологии», «Основания социологии» и т. п. Переходя от Конта и Спенсера к Гиддинсу, Тарду, Дюркгейму, Карееву, де-Роберти, Греефу, Гумпловичу, Ратценгаферу, Зиммелю и другим современным социологам, вы чувствуете, как все туманнее и туманнее становится для вас область социальных явлений и в конце-концов вместе с Фаустом вы горестно восклицаете:

Habe nun, ach! Philosophie
Juristerei und Medizin
Und leider! auch Theologie
Durchhaus studiert, mit heissem Bemühen
Und steh ich nun, ich armer Thor!
Und bin so klug, als wie zuvor.

(горячо и старательно изучал я философию, юриспруденцию, медицину и даже, к сожалению, теологию, и вот должен сознаться, что и теперь я столь же мало знаю, как и раньше). Но, несмотря на свое по-истине жалкое состояние, социология все же является наукой, которой принадлежит будущее. За это говорит то, несомненно, социологическое учение, ко-

торое носит название материалистического понимания истории [1]).

Однако, ошибочно было бы думать, что к социологии можно притти через историю. Те, которые так думают, жестоко ошибаются. Они извращают естественное, нормальное соотношение между этими науками. Историк подходит к изучаемому им материалу уже с готовыми социологическими идеями. Совершенно немыслим такой случай, когда историк принимается за работу без всякой «предвзятости». Сами по себе взятые исторические факты вовсе не содержат в себе указание на ту связь, какая существует между ними. Правда, эта связь есть, но ее нужно *открыть*, а для этого необходим правильный к ним подход. Вот этот-то подход к фактам истории, т.-е. известное представление о том, какие связи должны существовать между различными группами человеческих отношений, приобретается историком раньше, чем он

---

[1]) Проф. Виппер, повидимому, под влиянием очевидной бесплодности современной социологии, склонен отрицать за ней всякое право на самостоятельное существование. «Если, — говорит он, — нельзя провести разницу в применении абстрактных идей и реальных отношений, то есть ли необходимость различать две науки— абстрактную, социологию и конкретную, собственно историю. Если смысл социологии заключается в постановке общих задач, то из них трудно или невозможно образовать особую область научного ведения, потому что общие задачи не выделимы из всей совокупности работы над историческим материалом. Следовательно, социологию можно рассматривать, как умственное отвлечение новых задач, поставленных в исторической науке и в ее действительной жизни неразрывно соединенных с материалом». См. Очерки теории исторического познания. Стр. 47.

Социология вовсе не абстрактная наука и ее проблемы совсем иного свойства, чем проблемы истории. Поэтому та отрасль знания, что проф. Виппер назвал бы, с оговорками, социологией, ни малейшего к ней отношения не имеет.

принимается за свое дело [1]). И это вполне естественно и нормально. Беда только в том, что — помимо влияния классовой психологии — выработка этих взглядов приобретается не научным путем, а представляет собою осадок от разрозненных наблюдений над жизнью людей и от собственного житейского опыта [2]). Выработка основных социологических положений должна быть делом особой специальной научной работы.

Чрезвычайно распространено мнение, что все же наилучший способ для этого — изучение истории. При этом речь идет не столько о том, чтобы *из изучения истории вывести* социологические истины, сколько о том, чтобы при помощи такого изучения эти истины подтвердить, обосновать. Но, что значит подтвердить и обосновать? Это значит в данном случае, что следует представить исторический процесс в таком виде, чтобы всем было ясно, что в нем главное — обслуживающее, и что производимое — обусловливаемое. В знаменитой своей книге о гражданской общине античного мира Фюстель де-Куланж подбирает факты та-

---

1) Во избежание весьма возможного, хотя и очень грубого непонимания только-что высказанной мысли, необходимо здесь же заметить, что речь идет не о связи между двумя или несколькими конкретными фактами, а о понимании уклада, строя отношений между людьми, вернее того, как обычно складываются эти отношения. При наличии правильного понимания этой области явлений только и возможна правильная оценка исторических документов, свидетельствующих о существовании определенной связи между данными историческими фактами.

2) Не хотел бы прибегать к сравнению многих историков с одним из мольеровских персонажей, говорившим прозой, не подозревая этого, но должен: здесь оно очень кстати. Многие историки, будто бы свободные от всякой «социологической предвзятости», нередко и не подозревают, что у них имеются совершенно определенные социологические взгляды, которые и руководят их пониманием истории. Но эти взгляды они отнюдь не почерпнули из изучения истории: с ними они подошли к истории

ким образом, чтобы убедить читателя, что весь строй этой общины обусловливался античной религией. У Огюста Конта вся история человечества представлена в виде необходимого производного из хода его умственного развития. К сожалению, таким путем ни Ф. де-Куланжу, ни Конту, ни Боклю не удалось *доказать* правильности их основного воззрения на движущие причины исторического развития народов. Нужно признать, что этот способ обоснования правильности той или другой социологической теории совершенно бесплоден. За или против той или другой социологической теории всегда можно привести сколько угодно исторических фактов. По отношению к этим фактам вполне применима старинная народная поговорка, относящаяся к оценке законов: «закон, — что дышло: куда повернешь, так и вышло». Блестящим образцом такого обращения с фактами истории является книга М. М. Ковалевского «Наши социологи» (Спб., 1905 г.). Обладая колоссальной исторической эрудицией, автор этой книги легко подыскивает факты, говорящие за или против любого положения любой теории.

История может служить демонстрацией, иллюстрацией, но ни в коем случае единственным способом доказательства для социологической теории. Это прекрасно понимают некоторые выдающиеся представители материалистического понимания истории. Так, К. Каутский в своей статье «Что хочет и может дать материалистическое понимание истории» [1]) заявляет: «Всякая история должна строиться на фактах. Но, с другой стороны, методическое исследование фактов невозможно без твердо установленной теоретической точки зрения. Явления мира действительности до того многообразны

[1]) В сб. «Исторический материализм», составленном С. Семковским, 1-е изд. 1908 г. Ст. Каутского напечатана первоначально в „Neue Zeit“ в. XVI под заглавием «Was will und kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten». Я цитирую по переводу Семковского.

и сложны, что чистый эмпиризм безнадежно теряется в них. Лишь тот может проложить себе здесь путь, кто заранее обладает более широкими перспективами, кто умеет отделить существенное от несущественного, типичное от случайного, общее от частного, причину от повода» (стр. 54). Высказанная в этих словах точка зрения вполне совпадает с развиваемой на этих страницах, но так как Каутский высказал эту мысль, не дав ей подробного развития, то она легко может подать повод к недоразумениям. Могут сказать, что Каутский выставляет общее положение, применимое ко всякой науке: везде и всюду ученый приступает к исследованию фактов с определенными теоретическими предпосылками. С этим согласиться можно, но в применении к истории это значит, что теоретические предпосылки, с которыми ученый приступает к изучению истории, вырабатываются им *до* изучения истории. И систематической разработкой этих предпосылок занимается социология. И пример такой науки у всех перед глазами: материалистическое понимание истории с историей не совпадает, образуя отличную от нее дисциплину [1]).

Часто приходится слышать утверждение, что знание прошлого даст ключ к пониманию настоящего. Изучая историю, мы, будто бы, тем самым лучше уясняем себе настоящее. В этом утверждении, конечно, много правды, но, пожалуй, с неменьшим правом можно утверждать также, что знание настоящего дает нам ключ к пониманию прошлого. Об'ясняя процессы и события, имевшие место в прошлом того или другого народа, мы в конечном счете имеем дело с отношениями между людьми. Нужно полагать, что поскольку

---

[1]) См., напр., попытки *Н. Бухарина*—Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии, а также *Е. А. Энгеля* «Очерки материалистической социологии» — создать социологию, как особую независимую от истории, но опирающуюся на материалистическое ее понимание, науку.

люди, движимые одинаковыми мотивами или побуждениями, действуют в сходных условиях, их отношения выливаются в одну и ту же форму. Существуют элементарные отношения, повторяющиеся в истории всех народов во все времена. Выделить эти отношения и проследить, как образуются из них отношения более сложные, гораздо легче, наблюдая окружающую нас общественную жизнь людей, чем изучать их сквозь призму документов. Когда мы таким путем уясняем себе, как совершаются, как *должны* вообще совершаться с точки зрения естественной закономерности многообразные проявления общественного бытия людей, мы тем самым приобретаем твердую точку опоры для суждения о том, как могли складываться общественные явления в далеком прошлом, недоступном непосредственному нашему наблюдению. Следовательно, социология вовсе не почерпает свой фактический материал из прошлого, она прежде всего и, главным образом, изучает настоящее, современность [1]). Крайне знаменательно указание Энгельса на то, что материалистическое понимание истории могло быть открыто только тогда, когда материальная подоплека истории совершенно обнаженно, без всяких покровов, обнаружилась перед глазами наблюдателя [2]). Таким именно образом, т.-е. путем наблюдения со-

---

[1]) С этой точки зрения совершенно неправильным является утверждение Н. И. Кареева, что «главный фактический материал социолог будет всегда получать из изучения прошлого . . . . что в летописях исторической науки мы имеем такое громадное количество социологического материала, какого нам не дает и дать не может окружающая нас действительность». См. его статью «Основные направления социологии и ее современное состояние» в сб. «Введение в изучение социальных наук». СПБ. 1903 г., стр. 25—26.

[2]) См. его «Людвиг Фейербах», пер. Г. Плеханова, изд. 1906 г. стр. 69: «Между тем, как прежде исследование последних исторических причин было почти невозможно вследствие того, что

временности, можно и должно установить все вообще основные социологические истины. А установление этих истин может пролить яркий свет и на историю прошлого.

Чтобы сделать эту мысль еще более ясной, я укажу на соотношение между двумя отделами геологии. Как известно, динамическая геология изучает процессы изменения земной коры, совершающиеся в настоящее время, следовательно, вполне доступные нашему наблюдению. Составив себе таким путем ясное представление о характере и длительности процессов выветривания, размывания, наносов, опускания и подымания почвы и т. д., геолог с уверенностью судит о том, как в прошлом, в силу этих же самых процессов, изменялась земная кора. Это прошлое изучает историческая геология, дающая нам картину последовательной смены периодов в истории земли. Таким образом, динамическая геология дает возможность исторической геологии более или менее уверенно разбираться в документах прошлого. Именно с того времени, как Чарльз Ляйель в своих знаменитых «Принципах геологии» стал на этот путь, геология совершила наиболее значительные свои успехи.

То же самое, очевидно, должна сделать и социология по отношению к истории. Но здесь сам собою возникает вопрос, какого же рода наблюдения над современностью должна производить социология, чтобы притти к установлению закономерностей, господствующих на протяжении всей истории человечества. Некоторый намек на правильный ответ на этот вопрос дает проф. Виппер, когда он рассуждает о повторениях в истории. «Повторения, — говорит он, — охватывают самые существенные стороны исторического процесса.

внутренняя связь этих событий была очень затемнена и запутана, в наше время связь эта до такой степени упростилась, что решение загадки стало, наконец, возможным». См. дальнейшее развитие и пояснение этой мысли.

Повторяются столько раз, сколько сменяется поколений, явления, связанные с возрастами людей — энтузиазм, энергия, новаторство молодых, апатия, консерватизм, холодность стариков; постоянно повторяются и воспроизводятся группировки людей по близости интересов; повторяется борьба между ними и мотивы этой борьбы, повторяются явления господства и зависимости, явления протеста и покорности и т. д.» [1]). Все перечисленные здесь явления повторяемости историком не изучаются, как таковые, а допускаются, как нечто само собою разумеещееся и заключающееся в изучаемых им фактах. Явления господства и зависимости, протеста и покорности, борьбы и подчинения и т. п. явления общественного бытия людей должны быть правильно поняты прежде, чем с надеждой на *научный* успех изучать факты истории. Но лучше всего эти явления могут быть поняты тогда, когда их можно наблюдать непосредственно, т.-е. в современности.

Правда, Виппер в этом направлении совсем не думает. У него имеется даже на первый взгляд чрезвычайно убедительное возражение против такого именно способа изучения элементарных явлений человеческого общежития. В названной выше книге он пишет: «В настоящее время этнолог является более чем когда-либо социальным философом. И если за разрешением общих социологических вопросов мы должны отправляться в область этнологии, то мы исходим от соображения, что в жизни малокультурных обществ уже имеются все те соотношения, которые нас интересуют в культурной среде; но там эти соотношения проще или, как выражались в XVIII веке, они выступают в своем естественном виде» [2]). Значит, по мысли проф. Виппера, этнология является как бы социологией, потому что она изучает те же

---

[1]) *Р. Виппер,* Очерки теории исторического познания. М. 1911, стр. 57 — 58.

[2]) Ib., стр. 268.

самые «соотношения», которые существуют и «в культурной среде», но только в более простом, элементарном виде. Но ведь этнолог, производя такого рода наблюдения, не выходит за границы *современной* ему социальной действительности.

Итак, отнюдь не пренебрегая историческим материалом, социология, главным образом, должна опираться на наблюдение и изучение фактов общественной жизни современности. Но какого же рода проблемы здесь возникают?

XIII.

Несколько замечаний об основных проблемах социологии.

Отчасти на этот вопрос отвечает приведенная нами цитата из названной выше книги проф. Виппера. Но, разумеется, ответ этот очень неполный и в силу этого неясный. Необходимо на этом вопросе остановиться с несколько большей определенностью и полнотой.

Предметом изучения социологии является жизнь человеческого общества. Общество — в той или другой исторической его форме — возникает, сохраняется некоторое время в более или менее неизменном виде и затем распадается, т.-е. превращается в другую форму, если только в силу исторических причин не погибает вместе с живыми своими носителями. Под обществом следует разуметь определенную систему отношений между людьми. При этом совершенно безразлично, охватывают ли эти отношения, вылившиеся в определенную систему, несколько десятков или сотни миллионов людей. Дело не в количестве связанных между собою определенными общественными отношениями людей, а в том, что эти отношения выливаются в определенную систему, образующую то, что мы обычно называем общественным строем [1]).

---

1) Это соображение нельзя истолковывать в смысле отрицания проблемы о влиянии числа находящихся во взаимных отно-

Уяснив себе закономерности, господствующие в жизни общества, мы приобретаем твердую точку опоры для правильного суждения о причинах перемен в истории, т.-е. о закономерностях, проявляющихся в истории того или другого народа. Но в том-то и дело, что в области изучения процессов общественной жизни, с точки зрения познания основных закономерностей общественного бытия людей, еще очень мало сделано. Правда, социологии скоро исполнится сто лет оффициального ее существования — возраст, как видите, весьма почтенный, — но она все еще не вышла из той стадии развития, которую, применяя контовскую терминологию, можно назвать метафизической. Позитивное, т.-е. вполне научное изучение этих процессов, только-что началось, но по б. ч. еще впереди. Вместо пространных и нередко представляющих собою переливание из пустого в порожнее рассуждений о предмете социологии, ее методологии, ее отношении к другим наукам, о социальной закономерности, о законах статики и динамики, о взглядах Спенсера, Конта, Шефле, Тарда и десятков других социологов, — а этим балластом, по большей части, и переполняются «введения в социологию», «основания социологии» и т. п., — социология должна дать научное решение ряда конкретных, но в то же время основных вопросов познания социальной жизни людей. К числу таких основных вопросов, между прочим, относятся следующие:

1. Стихийность и сознательность в процессе возникновения, сохранения и изменения всякой данной системы социальных отношений (геогр. среда, произв. силы, соц. строй и личность, существо соц. стихии).

шениях людей на характер этих отношений. См. об этом, между прочим, *Бугле,* Эгалитаризм (идея равенства). Перев. с франц. Одесса, 1904 г., стр. 42 и след.

2. Роль материальных интересов в отношениях между людьми.

3. Роль идей в общественной жизни.

4. Источники социальных конфликтов (классовая борьба, религиозная вражда, сословная замкнутость, профессиональная отчужденность и т. п.).

5. Властвование и подчинение (право, государство).

6. Отношения зависимости между людьми.

7. Формы угнетения и формы борьбы с ним.

8. Сознательные усилия изменить данный социальный трой (реформа, революция, партии).

9. Выработка социально-творческих способностей в народных массах (социальный строй и творческая личность, условия самодеятельности масс; влияние политических учреждений страны на рост политического сознания и социального разума).

10. Быт, как синтезирующее начало всех общественных отношений.

Этими проблемами отнюдь не исчерпывается содержание социологии. Я перечислил некоторые из них для того, чтобы показать, на постановку и разрешение каких именно вопросов должен направить свои усилия социолог. Изучая, как возникают, поддерживаются, изменяются и распадаются разнообразные формы отношений между людьми, не сквозь призму исторических документов, а путем наблюдения над живой действительностью, социолог проникает в «святая святых» всякой общественной реальности, устанавливает закономерности, которые имеют «значимость» (выражаясь в терминах контовской философии) везде, где люди вступают между собою в более или менее постоянные взаимоотношения.

Читатель, привыкший к социологическим сочинениям, с некоторым изумлением отметит, что в нашем перечне основных проблем социологии нет ни одного указания на соци-

альные законы, статику и динамику, эволюцию, прогресс и регресс и т. п. понятия, которыми так много оперируют социологи по профессии. Но его изумление рассеется тотчас же, как только он сообразит, что научное изучение указанных (и подобных им) проблем само собою приводит к познанию законов общественного бытия людей и тех явлений, которые мы называем прогрессом, регрессом и т. п. общими обозначениями ряда чрезвычайно сложных фактов истории.

Познание закономерности составляет само собою разумеющийся постулат каждой науки. Понятие закономерности в его применении к эмпирическим фактам не вызывает никаких недоразумений. И социолог поступит совершенно правильно, если, опираясь на общее всем эмпирическим наукам понятие закономерной связи явлений, прямо приступит к изучению этих явлений. Проблемы свободы воли, случайности и т. п. можно предоставить философам по призванию или по профессии. Социологи же занимаются этими проблемами лишь тогда, когда уходят в сторону от научного изучения эмпирических фактов, образующих пеструю ткань общественного бытия людей.

В заключение формулируем еще раз те общие выводы, к которым приводит нас рассмотрение проблемы о познании закономерности в истории.

Совершенно нелепо, да и фактически невозможно, в виду завоеваний современной научной мысли, отрицать закономерность в истории. Но в то же самое время необходимо признать ошибочным также ее понимание, в силу которого все народы повторяют в процессе своего исторического развития одну и ту же схему развития. Известную повторяемость процессов развития, поразительное подчас сходство в учреждениях разных народов отрицать невозможно, но оно об'ясняется действием одинаковых причин, а так как условия жизни разных народов на протяжении истории сильно меняются, то несходства, различия, своеобразия в жизни наро-

дов не менее часты, чем сходства [1]). Более того, по мере усложнения международных отношений, эти своеобразия увеличиваются, и, таким образом, желание во что бы то ни стало найти одинаковую норму развития для всех народов становится совершенно невыполнимым, а следовательно и ненаучным. Все народы земного шара об'единяются не общим им всем ходом истории, а одинаковостью тех элементов, из которых слагается их общественное, а, следовательно, и историческое бытие. Закономерность в истории есть, в конечном счете, закономерность в общественной жизни людей. Познание этой закономерности составляет задачу социологии. Социология же представляет собою особую, отличную от истории, науку. Широко распространенное в настоящее время мнение, что научно-построенная история есть социология, является заблуждением. История занимается систематическим изучением фактов прошлого, стараясь изобразить их, установив между ними соответствующую природе вещей, т.-е. действительную связь. Но свое понимание возможных и невозможных, действительных и фантастических связей историк заимствует прямо или косвенно, сознательно или безсознательно у социологии (или из распространенных в данное время и в данной среде социологических воззрений). Социология, отнюдь не игнорируя исторических фактов, изучает прежде всего и главным образом ту совокупность эмпирических фактов общественного бытия людей, которая дается современностью и, следовательно, доступна непосредственному наблюдению. Конечной целью этого изучения является открытие основных законов общественного, а, следовательно, и исторического бытия людей. Вот почему познание настоящего даст нам понимание про-

[1]) Разная географическая среда и неодинаковые условия международных отношений (историческая среда) играют при этом, как мы видели, огромную роль.

шлого. Вот почему историк лишь постольку понимает прошлое, им изучаемое, поскольку он обладает правильными, основанными на изучении современной ему социальной действительности, представлениями о том, как возникает, существует и распадается та или другая система общественных отношений. Так было и будет всегда. Но в высшей степени важно, чтобы бессознательная, бессистемная выработка социологических воззрений, руководимых историком в его работе, заменилась планомерным социологическим образованием, которое станет возможным только тогда, когда социология, освободившись от метафизических и публицистических пут, станет на собственные ноги, на базу научного познания социальной действительности.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр.
Предисловие		3
I.	Несколько слов о состоянии исторической науки в первой половине XIX века	7
II.	Попытки изучать историю, как закономерный процесс и найти основной «закон истории»	12
III.	Превращение истории в социологию	20
IV.	Реакция против отождествления истории с социологией	24
V.	Проблема повторяемости исторических явлений	32
VI.	Сравнительно-исторический метод и пределы его компетенции	38
VII.	Законы истории и законы эволюции в природе	49
VIII.	Марксизм о закономерности в истории	56
IX.	Плеханов об изучении истории	65
X.	Самостоятельность истории, как науки	70
XI.	Бесплодность отождествления истории с социологией	77
XII.	Правильные взаимоотношения между историей и социологией	89
XIII.	Несколько замечаний об основных проблемах социологии	98

Цена 75 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, 74, тел. 134-34.
МОСКВА, Тверская, Б. Гнездниковский пер., 10, тел. 264-61.